

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара

С.Ю. БАРСУКОВА

Людям свойственно делиться с ближним. Семьи, регулярно помогающие друг другу продуктами, трудом, деньгами, советами, образуют сети. Данная статья посвящена ответам на вопросы, насколько важны эти сети для жизни россиян, на каких принципах они строятся, каковы закономерности сетевой взаимопомощи. В теоретической части статьи обсуждается отличие экономики дара от товарного обмена, а также от отношений, возникающих в патрон-клиентских сетях. Анализируются научные направления, в рамках которых изучается сетевая проблематика и экономика дара. В эмпирической части излагаются результаты исследования взаимобменов 12 городских и 17 сельских домохозяйств. Поверяются гипотезы, проясняющие общий характер функционирования сетей, а также положение ее отдельных участников. Сетевой мир российской взаимопомощи предстает в количественных данных и свидетельствах интервью.

Теоретическая часть

1.1. Понятие реципрокности.

Отличие дара от товара и дани

Вследствие распада форм общественного хозяйства, особенно на селе, сокращения социальных обязательств государства, хронических неплатежей заработной платы роль домохозяйства как производственной единицы значительно возрастает. Но продукты такой деятельности далеко не всегда попадают на прилавки рынка или потребляются внутри семьи. Зачастую они не приобретают форму товара, а вступают в мир обмена в статусе дара, образуя иную реальность, — так называемую экономику дара (*gift-based economy*). Соответственно суть обмена существенно трансформируется. Если для товаров предполагается рыночный обмен, то дары формируют паутину *реципрокности*, под которой понимается обмен дарами между членами социальной горизонтальной сети,

Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсам «Социальная стратификация», «Социальная и экономическая антропология».

объединяющей представителей одного или разных социокультурных полей. Таким образом, понятие реципрокности можно редуцировать до слов «*взаимность даров*»¹. Остановимся на основных характеристиках реципрокных отношений в их сравнении с товарным обменом.

Реципрокный обмен происходит в форме одаривания (а не продажи), что, однако, не означает альтруистической готовности ничего не получить в ответ. И хотя сроки «отдара» не оговариваются и взаимность достигается только в долгосрочном периоде, каждый участник реципрокных отношений понимает необходимость ответного жеста. Принципу товарного обращения «товар—деньги—товар» противостоит идея пролонгированной возвратности и взаимности даров.

Продажа товара возможна как одноразовая сделка незнакомых партнеров, но обмен дарами предполагает стабильность контактов. Товарный обмен — воплощение абстрактности отношений, их универсальности, тогда как обмен дарами — это всегда конкретные отношения, предполагающие партикуляризм их реализации. Обезличенной одноразовой сделке «купил—продал» противостоит стабильность отношений «отдал—получил».

Субъекты дарообмена выбираются из числа родственников и друзей на основе необъяснимых с экономической точки зрения предпочтений, симпатий и антипатий. Сеть строится на системе предпочтений внеэкономического характера, тогда как сущность товарного обмена заключена в универсальности отношений анонимных контрагентов. Регуляторами реципрокных отношений выступают культурные нормы, а не обезличенные законы рынка.

Реципрокность не преследует цели максимизации прибыли. Смысл этого типа социальных отношений состоит в защите близких людей от внешней среды, противостоянии неблагоприятным обстоятельствам общими силами, выравнивании жизненных шансов участников сети. Дарение носит бескорыстный, а продажа — корыстный характер. Товарный обмен воспекает обогащение в одиночку, а дарообмен помогает выживать сообществу.

Реципрокность накладывает на участников сети неформальные обязательства «платить по счетам». Плата может быть самой разнообразной, вплоть до почтительного отношения к дарителю. Условия «сделки» нигде не оговариваются, но однозначно понимаются, поскольку участники реципрокных отношений умеют декодировать смысл даров, не выходить за допустимый диапазон просьб и выдавать ожидаемые реакции на призыв о помощи. При обмене же товарами всегда жестко проговариваются условия сделки, выторговывается режим благоприятствования для себя в ущерб контрагенту, что вовсе не обязательно означает общность культурного пространства участников сделки. Если рыночный обмен предполагает ясную договоренность сторон, то отношения реципрокности основываются на догадливости в рамках культурного контекста.

Реципрокность и товарный обмен строятся на принципиально различном отношении к понятию «риск». Экономика дара нацелена на минимизацию риска путем его перераспределения между участниками сети. Страхование риска совокупными ресурсами участников сети является скрытым мотивом рецип-

¹ По мнению Ю. Эльстера, в основе реципрокных отношений лежат нормы взаимной любезности, которые «обязывают нас платить любезностью за любезность, оказанную нам другими. Норма может не требовать от меня подарка кузену на Рождество, но, если он начнет дарить мне подарки, придется в ответ делать то же самое» [Эльстер 1993, с. 75].

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

рокных взаимодействий, лозунг которых «Безопасность прежде всего». Товарный обмен и логично вытекающий из него принцип максимизации прибыли, наоборот, используют рискованные ситуации в качестве прорывных, позволяющих изменить диспозицию сил рыночного сообщества. В экономике дара риск означает опасность, а в товарном пространстве риск таит в себе и опасность, и соблазнительную возможность. Дары делают жизненное пространство индивида менее рискованным, для товарного же обмена риск — элемент конкурентной среды.

Обязательства сторон сделки могут нарушаться как при реципрокных отношениях, так и при рыночном обмене. Нарушителей рыночной дисциплины называют необязательными, а игнорирующих нормы реципрокности неблагодарными. Но механизм страхования от подобных ситуаций принципиально различен. Рыночные сделки страхуются формальными санкциями или неформальными силовыми методами. Нарушение неписаных норм поведения в экономике дара карается лишением доверия, что означает исключение провинившегося из сети реципрокных взаимодействий. Стимулом участия в дарообмене становится обретение репутации как формы социального капитала. Принуждение к исполнению обязательств (*enforcement*) реципрокности строится на угрозе социальной изоляции, при товарном обмене — на материальных и зачастую формальных штрафах и наказаниях.

Значимость дара определяется его субъективной ценностью для одариваемого. Она не зависит напрямую от рыночной стоимости предмета дара, а сводится к представлениям о полезности полученного блага. Реципрокные отношения не строятся на стоимостной эквивалентности обмена, тем самым релятивизируя рынок как ценность или, по крайней мере, отказывая ему в доминировании над такими категориями, как родство, солидарность, взаимопомощь, опека и пр. Эквивалентный обмен стоимостями замещается паритетным обменом ценностями или представлениями о полезности.

В обмене дарами люди первичны, а дары — вторичны, поскольку дарообмен зависит от отношений обменивающихся, возникающих между ними коллизиях, соотношения их статусов, социально-демографических характеристик и т. п. В товарном обмене, наоборот, обмениваемые блага задают отношения обменивающихся, т. е. вещи доминируют над людьми. Рыночный обмен устанавливает отношения между объектами обмена, обмен дарами — между субъектами одаривания. Реципрокные отношения удерживают в фокусе обменивающихся, а рыночные отношения — обмениваемое.

Деньги присутствуют и в реципрокности, и в товарном обмене. Но реципрокность, не претендующая на стоимостной эквивалент обмена, использует деньги в качестве предмета дара или заемного средства, а не расчетного инструмента. Денежные дары являются индикатором близости членов сетей домохозяйств, поскольку деньги опосредуют обмен *между* системами, тогда как *внутри* систем домохозяйств деньги превращаются в дар. Фактически денежная оплата товаров и услуг фиксирует границу, за которой заканчивается мир наиболее близких отношений привязанности. Реципрокность отказывает деньгам в опосредующей роли, выполняемой при товарном обмене, и превращает их в дар, *возможный и допустимый только в отношении наиболее близких людей*.

Реципрокность предполагает рутинизацию и ритуализацию дарообмена. На уровне традиций прописаны формы благодарности и диапазон допустимых

просьб. Следование традициям — самый верный путь укрепления положения участника экономики дара. Товарная же экономика отводит верхние этажи своего мира для решившихся на инновацию. Рыночный лидер — тот, кто выдвинулся за черту доступного всем поведения и при этом экономически преуспел. Экономика дара нацелена на стабильность, часто ценой сокращения среднего дохода ее участников, а товарный обмен предполагает инновационный прорыв как попытку наиболее предприимчивых максимизировать свою прибыль.

В реципрокных отношениях обмен выполняет роль символа «доброй воли» и намерения упрочить отношения, т. е. служит формой поддержания социальной включенности. Товарный же обмен основан на экономической целесообразности, в нем превалирует идея продуктовой оптимизации. Дарообмен — инструмент приращения социального капитала, а товарообмен — экономического.

Реципрокные отношения имеют альтернативу не только в форме товарного обмена. Более тонкая и трудно формулируемая грань отделяет дары от *дани*, формирующей основу патрон-клиентских отношений. Другими словами, благо может быть товаром, даром или данью в зависимости от того, в какую структуру отношений оно встроено. Дар — атрибут реципрокности, товар — участник товарного обмена, а дань — основа отношений «патрон—клиент».

Что же такое «патрон-клиентские» отношения? Это устойчивая система отношений субъектов, обладающих дифференцированной ресурсной обеспеченностью в результате принадлежности к разным уровням объединяющей их иерархии. Патрон опекает клиента за счет находящихся в его распоряжении ресурсов, собирая ответную дань в форме благодарности за опеку. «Основу для патрон-клиентских взаимоотношений составляет обмен между действующими лицами, обладающими неравной властью и статусами: патрон, ведущий и более могущественный участник этих взаимоотношений, предлагает свою защиту и обеспечивает доступ к дефицитным ресурсам (земле, рабочим местам, инвестициям) менее могущественным участникам (зависящим от него клиентам). Клиенты, в свою очередь, обеспечивают поддержку патрону и предоставляют ему разного рода ценности и услуги, которые мы будем называть "данью"» [Ковалев 1999, с. 128]. Клиентелистские сети пронизывают распределительные механизмы широкого профиля — от распределения материальных благ, рабочих мест, земли до распределения разрешений на деятельность, меры ответственности и наказаний, поощрений и привилегий.

Такие отношения могут возникнуть в любой формальной и неформальной организации при условии ее иерархического строения. Иерархия создает систему зависимости элементов на основе неравного доступа к ресурсам организации. Скажем, руководитель может мобилизовать охранно-пропускную службу и тем самым прекратить поток «несунов». Но, не пресекая, а «патронируя» эту практику, он получает лояльность работников к собственной неэффективной деятельности, их готовность работать при долговременных неплатежах заработной платы и игнорировании норм техники безопасности. За примерами подобных отношений далеко ходить не надо. Родители соревнуются в подарках классному руководителю в надежде на повышенную опеку их чад. Получившие госзаказ директора предприятий не забывают сделать «откат», т. е. отдать часть средств тому, кто посодействовал в подписании контракта. Иначе этот заказ будет последним в истории предприятия. Рабочие в выходной день просто из любви к

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

свежему воздуху трудятся на даче у шефа. Правда, им потом предоставляют лучшие условия труда, чем не участвующим. Внешне происходит добровольный обмен ресурсами, минуя товарный обмен. Никто никому ничего не продает. Никто никого ни к чему не принуждает. Движение благ осуществляется исключительно на добровольной основе. И никакие формальные претензии в случае отклонения от участия в этих практиках не предусмотрены. Родители вправе отказаться от «добровольных взносов», директора могут сделать вид, что не знают про систему «откатов», рабочие имеют возможность уклониться от дачных субботников. Но ни те, ни другие не нарушат заведенного порядка. Все понимают, что эта добровольность весьма иллюзорная.

Сеть, имеющая иерархическое строение, провоцирует систему зависимостей на основе неравного доступа к сетевым ресурсам. Ресурсная зависимость и есть скрытая пружина принуждения, которое принимает видимость добровольных жестов. Внешне добровольный обмен иерархично организованных субъектов не порождает реципрокности, а обмениваемые ресурсы не превращаются в дары. Скорее, происходит мимикрия под отношения реципрокности вследствие соблюдения внешних атрибутов одаривания. На деле же ресурсы курсируют в форме дани, которую «патрон» собирает со свои «клиентов», отвечая более полным учетом их интересов в ходе распределения курируемых им ресурсов. Неслучайно К. Полани выделял симметрию как структуру, адекватную реципрокности². Симметричность сети делает принципиально возможным чередование ролей донора и реципиента в отличие от жестко закрепленных ролей патрона и клиента в несимметричных, иерархических структурах. Отличия реципрокности от патрон-клиентизма сводятся, таким образом, к следующему:

1. Элемент принуждения присутствует и в реципрокном обмене, и в патрон-клиентистских отношениях. Но речь идет о разной природе принуждения. Реципрокность строится на подчинении людей социальным нормам, усвоенным в ходе социализации, и в этом смысле принуждение едва ли рефлексивируется. Отношения же патрона и клиента не добровольны в результате их иерархической диспозиции, отмеряющей степень зависимости субъектов и диапазон пригодных к обмену благ. Принуждение в этом случае имеет управленческо-организационную природу и прекрасно осознается участниками сети. Дары, вызванные социальными нормами, противостоят дани, порождаемой организационной иерархией.
2. В реципрокных отношениях велика мера неопределенности формы даров и времени ответных действий. И даже несвоевременные и невостребованные подарки принимаются с благодарностью в силу выполняемой ими символической функции. Патрон-клиентские отношения более нормированы. Форма и сроки взаимных услуг патрона и клиента если и не оговариваются, то четко осознаются. Говорят, что дареному коню в зубы не смотрят, но зубы коня, выступающего в качестве дани, проверяются очень тщательно. Неопределенности форм и сроков реципрокных взаимодействий противостоит прогнозируемость контактов клиентелистских сетей.

² «Полани утверждает, что существуют три базовых способа распределения ресурсов: обмен, перераспределение и реципрокность [reciprocity]. Для широкомасштабного воспроизведения каждой из этих форм необходимы соответствующие структуры: рынок, централизм и симметрия» [Якубович 2002, с. 213].

3. Реципрокность укоренена в неформальных нормах и обязательствах, которые слабо связаны с формальными институтами. Патрон-клиентские отношения, напротив, существуют как неформальная коррекция формальных правил и испытывают от них сильную зависимость. Скажем, если виза санэпидемстанции перестанет входить в пакет обязательных документов при открытии ряда фирм, то поток дани предпринимателей представителям СЭС прекратится. Побудительный мотив дани укоренен в формальном диалоге патрона и клиента. Реципрокность существует как нерегулируемая формальными институтами реальность, а патрон-клиентизм как изнаночная сторона формального порядка.
4. Реципрокный обмен демонстрирует высокую автономность от реформирования формальных институтов, поскольку укоренен в реальности другого порядка. Патрон-клиентизм, напротив, крайне чувствителен к переопределению формальных рамок, поскольку за этим стоят изменения принципов иерархии, критериев доступа к ресурсам и объема распределительных полномочий. Сети реципрокной поддержки более инерционны и не так явно реагируют на изменения формального порядка, чем патрон-клиентские отношения.
5. Реципрокные отношения глубоко персонифицированы, обмен дарами строится на лично окрашенных отношениях дружбы, родства, соседства. Напротив, отношения патрона и клиента представляют собой неформальные договоренности в рамках выполняемых индивидами функциональных ролей. Возможность сбора дани зависит от диапазона функциональных возможностей патрона, а возможность получать дары — от личного расположения окружающих.
6. Реципрокность нуждается в симметричной сетевой структуре, а патрон-клиентские отношения предполагают иерархию. Симметрия связывает воедино разнокачественных, но горизонтально расположенных субъектов обмена. Это могут быть родственники, соседи, друзья, коллеги, статусные и материальные различия которых не дают оснований одним диктовать волю другим. Патрон-клиентизм держится на вертикальной упорядоченности субъектов, что определяет их неравный доступ к ресурсам как основу отношений зависимости. Горизонтальное движение даров противостоит вертикальным каналам дани.
7. Горизонтальная сеть делает принципиально возможным ситуативный кругооборот ролей донора и реципиента. Субъекты взаимодействия поочередно оказываются донором и реципиентом друг для друга в различных ситуациях. Иерархия же жестко закрепляет роли патрона и клиента в зависимости от позиции в вертикально упорядоченной структуре. Один и тот же субъект может быть и патроном и клиентом, но для разных уровней клиентелистской сети. Чередование ролей донора и реципиента в горизонтальных сетях противостоит жесткому закреплению ролей патрона и клиента в вертикальной иерархии.
8. Отношения реципрокности не вызывают идеологического порицания, равно как и восхваления. Идеологические доктрины нейтральны к экономике дара. Клиентелистские сети, напротив, в разных идеологических координатах становятся либо мишенью для критики, либо объявляются панацеей, сохраняющей целостность системы путем придания ей гибкости. Реципрок-

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

ные отношения находятся вне идеологического дискурса, а патрон-клиентские отношения — внутри него.

Итак, экономика дара создает особую, отличную и от товарного обмена, и от патрон-клиентизма структуру отношений. Соответственно меняется и номенклатура ролей: при товарном обмене происходит диалог покупателя и продавца, клиентелистские сети вводят в игру патрона и клиента, а реципрокные взаимодействия являются сутью отношений донора и реципиента. Неформальный обмен ресурсами (дарообмен), как и большая часть экономики домохозяйства, лежит в сфере неформальной экономики, т. е. является экономической деятельностью, не подкрепленной формальными обязательствами сторон и формальными санкциями за их нарушение. Совокупность субъектов, обменивающихся дарами, формирует сеть, взаимодействие внутри которой регулируется нормами, ценностями, обычаями, разделяемыми участниками сети. Какие научные направления изучают принципы сетевого обмена? Каковы смысловые доминанты исследований в этой области?

1.2. Три научные традиции изучения сетевой взаимопомощи

В изучении проблемы сетевой взаимопомощи можно выделить три традиции. *Антропологическая* фокусировала внимание собственно на феномене дара, его социально-экономических и культурных функциях, социальных ролях одариваемого и дарителя. В рамках этой традиции отношения реципрокности трактовались как особая форма социальной интеграции общества. *Сетевой подход* (networks approach) акцентировал внимание на социальных сетях как особом механизме протекания социальных процессов, будь то поиск работы, выбор партнеров по бизнесу, обустройство иммигрантов, формирование интеллектуальной элиты и пр. Третий подход акцентировал внимание на *исторической обусловленности* реципрокных отношений, их укорененности в традициях общества и экономической культуре, воплощенной в нормах «обычного права».

Несмотря на очевидную специфику подходов, они взаимосвязаны и только в единстве дают представление о реципрокности как особом типе социального обмена. Остановимся на этих традициях подробнее.

В рамках антропологического подхода обмен дарами трактуется как символический обмен, противостоящий обмену экономическому, при котором предмет выступает как «товарное тело»³. Социальный смысл подобного символизма заключается в его способности подтверждать или создавать социальные связи, оберегать входящих в доверительный круг и переводить в плоскость действий узы родства и дружбы. Если интерес экономики вызывает трудовая практика, то достоянием антропологического знания становится символическая деятельность. Акт дарения иногда считается более важным, чем сам подарок как совокупность потребительских свойств.

³ «В рамках антропологии обмен интерпретируется уже не как товарный обмен, а как обмен дарами, причем он выступает в качестве акта символического признания. Если в рамках антропологии образцовым обменом становится символический обмен, через призму которого рассматривается весь социальный обмен в целом, то в рамках микроцентризма ту же роль исполняет экономический обмен» [Аишкеров 2001, с. 75, с. 85].

Начало традиционной антропологии было положено в исследованиях традиционных обществ — ведь архаика особенно подвержена символизму⁴. Так, знаменитый «Очерк о даре» М. Мосса написан на основе анализа квазисемейных социальных образований — племен, фратрий, кланов [Мосс 1996]. В первобытных обществах исследователи видели многообразие форм и функций даров, отчетливую персонификацию символической власти в лице тех, кто трактовал и интерпретировал смысл символа (жрецы, шаманы и пр.)⁵. Примитивные общества самим фактом своего существования заставляли усомниться в единственности и всеобъемлющем характере товарной природы вещей. Как отмечал К. Полани, великие антропологи, к числу которых он относил Б. Малиновского и Р. Турнвальда, развеяли «миф об индивидуалистической психологии первобытного человека» [Полани 1999а, с. 508], показав, что в обществах, живущих на грани выживания, не было голода. Поддержка, подстраховка «слабого звена» силами всей сети — многократно описанная антропологами практика традиционных обществ.

Зачем же люди одаривают друг друга? Среди важнейших функций дара можно выделить следующие:

- знак внимания;
- скрытый текст, закодированное послание;
- способ конструирования репутации;
- способ размещения плодов своего труда с отсроченной и неоговоренной формой их возврата, т. е. специфическая материальная инвестиция;
- алгоритм поддержания социальных контактов и формирования на их основе сетей;
- способ подтверждения социальных ролей;
- акт разрыва повседневности.

Устойчивые, взаимопользные контакты, оказываемые на неформальной основе, формируют сеть. Изучение сетей в многообразии их функций и способов функционирования составляет суть сетевого подхода. В отличие от антропологической традиции, связь с которой безусловна, представители сетевого подхода не пытаются декодировать смысл дара. У них иная задача — интерпретировать сетевые структуры и их роль в реальных практиках, включая практики рыночного или иерархического порядка. Поскольку на этом пути возможно множество интерпретаций, то сетевой подход в современном его состоянии представлен несколькими, довольно различающимися направлениями, часть которых отчетливо движется в сторону нового институционализма в социологии⁶.

⁴ Классическая линия антропологии, посвященная традиционным обществам, не стала достоянием истории. Она по-прежнему развивается [Gregory 1980; Parry 1986]. Однако в 1990-е годы заявила о себе новая ветвь антропологической традиции, посвященная дару как феномену современной индустриальной и постиндустриальной культуры [Carrier 1993; Emerson 1983].

⁵ Структуралистская антропология К. Леви-Строса является самым ярким примером увязывания возможности произносить слова и возможности обменивать ценности.

⁶ Начало сетевому анализу положено Х. Уайтом и его учеником М. Грановеттером, который показал роль сетей в функционировании рынка труда. Развитие идей сетевого подхода и работы его ярких представителей (Х. Уйта, Д. Старка и других) см. в: [Экономическая социология 2002].

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

Однако представителям этого подхода свойственна расширительная трактовка роли сетей в современном мире. По сетям курсируют ресурсы, не сводимые к материальной форме, но включающие информацию, совет, готовность поделиться успехом, повышенную доверительность отношений и лояльность к участникам сети, что формирует структуру отношений, амортизирующих жесткость товарного обмена или приказного порядка. В рамках сетевого подхода подчеркивается, что сети существуют не только и не столько как антитеза плану или рынку, а как скрытый структурный элемент в механизме как плановой, так и рыночной экономики. Реальные проявления рынка и приказной иерархии немислимы без сетевизации рыночных и плановых структур. Реальные рынки нигде и никогда не являются практической реализацией логики товарного обмена. Рынок, как и плановое хозяйство, погружен в социальные сети. Правда, сетевизация рыночной среды обычно трактуется как механизм повышения гибкости рынка, уменьшения риска его участников, тогда как роль сетей, пронизывающих разные уровни дистрибутивной системы, часто оценивают негативно, с наклеиванием ярлыков типа «коррупция», «блат», «патрон-клиентизм» и пр. Но, несмотря на моральное осуждение этих практик, объективно они смягчают дефицит, создают платформу для увязывания интересов групп влияния, формируют причудливые контуры «административного рынка» [Найшуль 1990]. Модифицируя вертикаль власти, такие сетевые структуры, как и в случае с рынком, повышают гибкость системы и тем самым укрепляют командную иерархию.

Сети могут быть структурной основой принципиально различных социальных отношений, далеко выходящих за пределы реципрокности. Реципрокность не единственный способ распределения благ, который воплощен в сетевой структуре. На наш взгляд, логику реципрокности как экономики дара в полной мере воплощают лишь сети домохозяйств. Предпринимательским же сетям и административным связям разумно отказать в их заявке на реципрокность, хотя внешне рисунок поведения членов таких сетей очень напоминает обмен дарами. Так, даруются особые условия сделки, немислимы для «чужих», бесплатно даются советы, члены сети делятся информацией, а в трудную минуту и ресурсами в расчете, что им тоже когда-нибудь помогут. Но этот внешний фасад скрывает вполне прагматичные мотивы, сводящиеся в конечном счете к максимизации прибыли в системе рынка или минимизации ресурсного дефицита в системе плана⁷. Реципрокность как тип социальной интегра-

⁷ При этом роль сетей в этом процессе трактуется двояко. С позиций институционализма (О. Уильямсон) роль сетей сводится к уменьшению транзакционных издержек, поскольку в силу формируемого в рамках сетей доверия можно отказаться от формальных и неформальных страховок поведения партнера. Согласно же новой французской социологии (Л. Тевено) гибкость любой организации укоренена в компромиссе нескольких «порядков обоснования ценности», включая «домашний способ координации». Доверие деловых партнеров — суть процесса, когда приверженная традициям и локальности домашняя логика накладывается на рыночную логику, представленную единообразием цен, и индустриальную логику, предполагающую определенную степень стандартизации. «Мы не считаем, что организации или институты жестко соответствуют тому или иному порядку оценивания — например, что гражданские ценности соответствуют государству, духовные ценности — церкви, а ценности домашнего очага — семье. Все организации должны преодолевать нестыковки между различными порядками обоснования ценности» [Тевено 2002, с. 28].

ции противостоит и рынку, и плану, представляя собой экономику иного целеполагания — субстантивную экономику⁸, регулируемую традициями и обычаями и направленную на выживание сообщества как целого.

Таким образом, между понятиями «сеть» и «реципрокность» нет жесткого соответствия: реципрокность далеко не единственный тип отношений, реализуемых в сетевой структуре. Но почти всегда реципрокность — доминирующий тип отношений, если речь идет о сетях домохозяйств, формирующихся на основе родственных и дружеских связей.

В современных исследованиях домохозяйственных сетей активно используется математический аппарат, в частности теория графов [Градосельская 1999]. Принципиальную основу формализации прежде расплывчатых разговоров о сетях, перевод их в русло научной традиции с устоявшейся терминологией и понятийным аппаратом заложили работы М. Грановеттера [Granovetter 1973]⁹. И хотя сетевой подход многие связывают с социометрией Я. Морено [Морено 2001], между ними есть принципиальное отличие: «маргинал в терминологии теории социальных сетей — это индивид, не взаимодействующий с другими членами группы, в то время как маргинал в социометрии — это индивид, не имеющий положительных выборов, что, однако, не исключает взаимодействия с ним» [Чураков 2001, с. 110]. Впрочем, не менее распространены и качественные методы в описании сетевой взаимопомощи [Виноградский 1999; Фадеева 1999а, 1999б].

Общий вывод таких работ состоит в том, что реципрокность межсемейных отношений не является декоративным элементом или дополнительным, вторичным аспектом социальной реальности, а представляет собой «несущую основу» повседневной жизни россиян¹⁰. Показательно, что И. Штейнберг называ-

⁸ «Термин «экономический» имеет два значения. Первое значение, формальное, вытекает из логического характера отношения между целями и средствами их достижения. Субстанциональное значение вытекает, если коротко, из явной зависимости человека в том, что касается добычи средств к существованию, от природы и своих собратьев» [Полани 1999, с. 498-499].

⁹ В частности М. Грановеттер, изучая поведение на рынке труда, придал образному выражению «слабые и сильные» сетевые связи вполне конкретное значение. Слабые связи — вовсе не те, которые редко задействуются или дают малую отдачу. Слабые связи являются мостами между тесно связанными кластерами социальной структуры. Иначе говоря, слабые они в том смысле, что обеспечивают взаимодействия с теми, кто не имеет связи между собой, т. е. разделяем «структурными дырами» в терминологии Р. Бурта [Burt 1995]. В этом случае возникает максимально широкое информационное поле. Именно так надо понимать название его статьи «Сила слабых связей». Сильные же связи, или «избыточные» в терминологии Р. Бурта, предполагают не изолированность, а взаимосвязь контрагентов, в силу чего информационные возможности суживаются, но растет возможность лоббирования силами сети.

¹⁰ По поводу распространенности межсемейной взаимопомощи исследователи вошли в некоторое противоречие. По данным Г. Градосельской, «доля городских домохозяйств, не участвующих в обмене трансфертами, в 1992 г. составляла 60,25 %, а в 1998 г. — 30,19 %» [Градосельская 1999, с. 157]. В исследовании В. Радаева доля семей, связанных отношениями реципрокного обмена, составляет около 70 % [Radaev 2001, p. 356]. По мнению же О. Фадеевой, «не обнаружилось ни одной семьи, которая бы не была связана отношениями обмена или помощи с другими семьями» [Фадеева 1999а, с. 193]. Этой же оценки придерживается и О. Лылова: «Особенность жизни на селе такова, что каждая семья в той или иной ситуации становится донором или реципиентом услуги» [Лылова 2002, с. 84]. Разницу оценок вряд ли можно свести к различиям городского и сельского сообществ.

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

ет межсемейные сети «русское чудо» [Штейнберг 1999], хотя «неофициальная, межсемейная поддержка и защита является одним из важнейших факторов ослабления бедности во многих странах, и Россия не является исключением из общего правила» [Бедность, 1998, с. 252].

Почему же домохозяйства осуществляют бесконечные дары-отдаривания? Что дает им принадлежность к сети? Основными функциями межсемейного обмена являются:

- экономическая взаимопомощь, кооперация усилий и средств;
- создание системы неформального кредитования;
- установление стабильных отношений и контактов, как равноправных, так и доминантных;
- подтверждение социального статуса семьи;
- моральная поддержка в рамках сети, скорая психологическая помощь;
- трансляция этических ценностей, религиозных и этнических традиций.

Ключи к разгадке масштабов, интенсивности, конкретных проявлений реципрокных отношений в России пытаются найти представители исторической традиции в социологии. Убирая мистический флер с понятия «национальная специфика», они ищут в российской истории объяснение приверженности россиян к экономике дара. И большая часть таких работ относится к истории крестьянства, что связано с двумя обстоятельствами. Первое: длительный исторический период «количественно крестьянство было Россией» [Шанин 2002, с. 30], и это объясняет «окрестьянивание» российской экономической ментальности. Второе: так называемые горожане являются детьми или внуками крестьян, имеют родственников в селе, т. е. имеют непосредственный доступ для восприятия поведенческих норм и ценностей крестьянского сообщества¹¹.

Значительная часть таких работ посвящена роли общины в повседневной жизни крестьян. Две ее основные функции — распределительная и управленческая — были направлены на выживание сообщества благодаря «круговой поруки», позволяющей слабому надеяться на помощь сильного. Но было бы ошибкой рассматривать эти «социальные приспособительные приемы» (терминология Дж. Скотта) как радикально эгалитарные [Скотт 1999, с. 542]. Они, скорее, гарантируют только право на жизнь за счет ресурсов общины и не более. Община гарантировала спасение от индивидуального голода, но не сытость наравне со всеми¹².

Видимо, дело в инструментарии. Г. Градосельская и В. Радаев пользовались формализованным анкетным опросом, а О. Фадеева использовала наблюдения и углубленные интервью. Мы полностью согласны с В. Виноградским, который отмечает, что «данный вид неформальной экономической практики включен в крестьянскую повседневность как общая жизненная атмосфера, как воздух. Он незаметен, хотя жить без него нельзя ни минуты» [Виноградский 1999, с. 45]. Эта «незаметность» и не позволила формализованной анкете уловить этот «воздух», слабо рефлекслируемый самими респондентами.

¹¹ С точки зрения постмодернизма, для установления определенных поведенческих практик совсем не обязателен материальный субстрат, т. е. наличие родственников в деревне не является обязательным условием воспроизводства горожанами практик, изначально сформировавшихся в сельской общине. Материальные «мостики» не нужны в эпоху мозаичности практик.

¹² Дж. Скотт отмечает, что этот же моральный посыл был свойственен и протестному движению городских бедняков XIX в. [Скотт 1999].

Впрочем, институт сельской общины включался только в критической ситуации, в обычном же режиме работали не общинные, а межсемейные формы кооперации усилий и ресурсов. В этом смысле атрофия общинности не смогла полностью уничтожить практику совместности труда и быта. И даже революционные события не переломили эту удивительную тягу крестьян к «моральному» хозяйствованию.

Крестьянство поставило перед историками много загадок. Одна из них — удивительная политическая сплоченность и единение этой группы в революциях 1905—1907 и 1917—1922 гг. Казалось бы, вследствие социально-экономической дифференциации крестьян (о чем убедительно свидетельствовала статистика) можно было ожидать раскола крестьянства на новые сельские классы, проникающиеся подобающим классовым сознанием и готовностью к политической борьбе. Вместо этого — единение сельской общины в противостоянии вторжению извне, необъяснимо высокий уровень сплоченности крестьянства России. Этот феномен Т. Шанин объясняет разнонаправленностью социально-экономической мобильности крестьянских хозяйств: «Мощь общинных структур переплеталась с действием мобильности крестьянства, влияя на значительное ограничение внутриобщинной борьбы» [Шанин 2002а, с. 40]. В результате сильной вертикальной мобильности крепкий хозяин рассматривается не как классовый враг, а как естественный лидер, с которым уже завтра можно поменяться местами¹³. Отсюда и моральные обязательства лидера помогать, а не закреплять дистанцию, помня, что жизнь чревата переменами. Не столько из морального императива, сколько из наблюдений за траекториями социального окружения сложилась формула «от сумы да от тюрьмы не зарекайся». В результате особое место в крестьянской культуре занимают сети родственной и дружеской помощи как социальные амортизаторы любых перемен.

Неслучайно законодательным ядром нэпа в деревне был свод законов, легитимирующих по сути «обычное право» крестьян¹⁴, что означало признание крестьянства сплоченным классом, руководствовавшимся собственными представлениями о должном и справедливом. На этом фоне коллективизация вылилась в настоящую войну советского государства с единым российским крестьянством. В войну, которой суждено было длиться десятилетия.

Не будем, однако, идеализировать силу межсемейной солидарности. История свидетельствует о прекращении такой взаимовыручки в экстремальной ситуации, скажем, в условиях голода, когда борьба за выживание индивидуализируется, а ткань социальности истончается.

История российской деревни, записанная со слов ее непосредственных участников, очевидцев всех пертурбаций и социальных экспериментов пред-

¹³ Это не отменяет того факта, что ликвидация помещичьей собственности была стержнем крестьянских представлений о желаемых переменах.

¹⁴ После отмены крепостного права в России судебная власть перешла в руки волостных судов — выборных безграмотных и полуграмотных заседателей. «Волостные суды выносили решения исходя не из знания государственной законодательной системы (потому что они ее не знали), а из своего понимания "что справедливо" т. е. каков местный обычай, "обычное право"». [Шанин 2002б, с. 268]. Но самое интересное, что при изучении «обычного права» выяснилось удивительное единство решений и представлений о справедливости по всей Российской империи.

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

ставлена на страницах книги «Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах». Мы не будем останавливаться на описании отдельных этапов довольно драматичной истории отношений крестьянства и власти, — это тема явно выходит за рамки данной статьи. Но для нас важен принципиальный посыл этих воспоминаний: чем более враждебно государство, тем более организована и широкомасштабна межсемейная кооперация как объединение усилий в целях выживания. И, наоборот, взятие государством на себя ряда важных социальных функций ведет к ослаблению неформальной кооперации, к ее низведению на уровень культурно-духовной и психологической поддержки. Например, старики, сравнивая былые годы с периодом расцвета колхозов и совхозов, сетовали на утрату прежней взаимопомощи односельчан [Голоса 1996, с. 225, 346]. Источник помощи извне гасил стимул к самостоятельной поддержке.

Если продолжить эту логику применительно к сегодняшним дням, то очевидно ослабление патронажной функции государства, распад колхозно-совхозной системы, нежелание новых крупных экономических агентов нести груз социальных обязательств. В этих условиях всплеск сетевой взаимопомощи не просто легко прогнозируется, но и абсолютно вписывается в общую логику исторического анализа. Семьи, держась друг за друга, своим единением смягчают просчеты государственной социальной политики, рождая причудливый симбиоз домашней и общественной экономик [Никулин 1998]. Межстрановые сравнительные исследования указывают «на сохраняющуюся значимость традиционных форм взаимопомощи в общинах России» [Пилиховский, Столбов 2000, с. 38]¹⁵.

Таким образом, исторический анализ привносит в разговор о реципрокности следующие смысловые блоки:

- укорененность реципрокности в традициях общинности, многообразных коллективных «помочях» и «круговой поруке»;
 - исторически сформировавшаяся в крестьянской среде моральная оправданность выживания за счет ресурсов сообщества;
 - не эгалитарный, а элементарный принцип сетевой поддержки, когда равенство права на жизнь не означает стремления к равенству условий жизни;
 - высокая вертикальная мобильность в среде крестьян (с начала века вплоть до коллективизации), снизившая остроту классового антагонизма и обусловившая высокую сплоченность сельского сообщества;
 - возрастание роли, функций и форм межсемейной поддержки при сокращении участия государства и крупных собственников в решении социальных вопросов;
 - сворачивание сетей, сокращение взаимопомощи при расширении индивидуальной борьбы за выживание в экстремальной исторической ситуации.
- Итак, сетевая взаимопомощь привлекает внимание ученых, представляющих разные научные направления и школы. Классическая антропология акцентирует внимание на символическом смысле даров на примере традиционных обществ, сетевой анализ подчеркивает функциональное значение сетевизации рыночных и дистрибутивных систем, а историческая социология указывает на конкретные формы сетевой взаимопомощи и их вариации в исторической пер-

¹⁵ Подобный вывод делает и относительно Болгарии, тогда как, по мнению авторов, в польских общинах происходит процесс формальной рационализации [Пилиховский, Столбов 2000].

спективе. Таким образом, экономика дара не является «белым пятном» в социальных науках. Скорее, наоборот. Тема реципрокности за последние 15—20 лет совершила бурный рывок из периферийной в приоритетную область экономической социологии. В сложных узорах сетевой взаимопомощи довольно отчетливо прочитывается пафос отрицания экономического детерминизма, что в значительной степени и определило рост интереса к этой теме. Действительно, трудно найти такое явное пренебрежение к морали экономического расчета, как в дарообменах домохозяйств, равно как трудно найти такое явное следование культурным кодам и социальным нормам, как в практике одаривания ближнего.

Но может быть это идеализация повседневности, и жизнь людей настолько трудна, что им не до взаимных любезностей? Удалось ли борьбе за выживание вытеснить практику поддержки ближнего? Или, наоборот, люди сплотились, упрочили сетевые контакты? Насколько в их жизни значима роль реципрокных потоков? Как функционируют домохозяйственные сети не вообще, а конкретно в России конца 1990-х годов? В чем специфика сельских и городских сетей? Какие закономерности свойственны им? И есть ли такие закономерности вообще, или реципрокные взаимодействия семей абсолютно стихийны и ситуативны? Попытка ответить на эти вопросы содержится в эмпирической части работы.

II. ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Здесь мы опишем сетевой обмен российских домохозяйств в количественных терминах. Данная попытка довольно претенциозна, так как в отличие от обмена рыночного, движение ресурсов по сетям межсемейных экономик подчинено некалькулируемой логике¹⁶. Было бы неправильно говорить, что в реципрокных обменах нет калькуляции. Она, конечно, есть. Но каждый участвующий в таких обменах рубль или час трудовой помощи имеет свои, ведомые только участникам обмена, «поправочные коэффициенты». Внешне неэквивалентный обмен может быть абсолютно паритетным с точки зрения его участников. Ведь за каждый обменным актом стоит не обезличенная потребность максимизации прибыли, а многослойный контекст отношений контрагентов, культурные коды микросоциума. Данное обстоятельство емко и образно выражено в используе-

¹⁶ В нашем случае показателен пример семьи, в которой одна из дочерей купила родителям продуктов на сумму примерно в 3,5 тыс. рублей, другая же ограничилась подарками на 30 рублей, тогда как обе получили от родителей почти одинаковую помощь на сумму около 1,5 тыс. рублей. При этом первая регулярно работала в огороде родителей, а вторая приезжала из города только в гости, не принимая участия в сельхозработах. Что же по этому поводу думают родители? Хвалят первую дочь и ругают вторую? Этого нет и в помине. Помощь оставшейся на селе дочери воспринимают как должное, помощь уехавшей в город дочери оценивают как исключительное внимание с ее стороны. Здесь воедино переплетены и отложенные возможности («будет где в городе остановиться»), и статусная демонстрация перед соседями «выбившейся в люди» дочери, и пиетет к городской загруженности, порывая с которой, дочь находит возможность проведать стариков и многое другое, что не проговаривается и вряд ли рефлексивируется, но с лихвой компенсирует разницу стоимостного несоответствия оказываемой дочерью помощи.

мом И. Штейнбергом понятии «психологический рубль» [Штейнберг 2002]. Однако было бы неправильно на этом основании отказаться от всех попыток количественного анализа сетевых взаимодействий. В конце концов если уж говорить о психологическом и социокультурном сглаживании экономической неэквивалентности, то хотелось бы иметь представление, как минимум, о степени такой неэквивалентности. К тому же разговоры о том, что сетевым обменам присуща иная, вневещная логика, ставят вопрос о необходимости ее выявления, будь то логика сезонных колебаний сетевой активности, гендерных ролей обмена, культурного табу на долговые отношения с родителями, специфики городских и сельских сетей, что неминуемо отражается в количественных показателях обменных актов. Понимание сложности реципроктных отношений, их культурной и социальной обусловленности не может и не должно вести к отказу от количественных оценок сетевых взаимодействий, иначе вместо прояснения проблемы мы получим ее затуманивание. Понимая ограниченность количественного анализа сетевых обменов, мы сознательно встаем на этот путь.

2.1. Методика исследования

На этих мировоззренческих позициях основывался анализ, посвященный изучению межсемейного обмена городских и сельских домохозяйств¹⁷. В рамках проекта реализовывались многообразные задачи, что определило широту используемых методов сбора и анализа данных. Опишем лишь те, которые имеют отношение к теме данной статьи. Для изучения сетевых взаимодействий собиралась информация трех видов: сетевые бюджеты; графические изображения сетей; интервью, посвященные сетевой проблематике.

Сетевые бюджеты представляли собой ежедневную фиксацию всех сетевых коммуникаций, будь то обмен продуктами, передача денег в долг или безвозмездно, помощь трудом, а также эмоциональные и информационные трансферты¹⁸. Последние, правда, едва ли могут быть использованы в количественном анализе в силу значительной субъективности при их фиксации. Действительно, одни респонденты любое приветствие готовы относить к эмоциональ-

¹⁷ Работа проведена в рамках исследования «Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена» (при поддержке INTAS, № 97-21457, руководители Т. Шанин и В. Радаев). Кроме того, поддержка была осуществлена программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерством образования РФ за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Дж. Д. Т. Макартуров (США) и Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данной статье, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

¹⁸ Это соответствует традиции Дж. Тернера делить потоки в социальных сетях на материальные, символические и эмоциональные. Под символами Тернер понимает информацию, идеи, сообщения [Turner 1991, p. 550]. Ресурсная идентификация потоков зачастую затруднена. Например, не ясно, куда относить трансферты, основанные на административном ресурсе субъектов взаимодействия, (освобождение водительских прав путем телефонного звонка или «доставание» дефицитного лекарства, что фактически является услугой сетевого характера). Такого рода административные трансферты не учитывались в бюджетах, но многократно отмечались в интервью.

ной поддержке, другие считают таковой лишь редкие случаи доверительной беседы. Также субъективны и информационные контакты ввиду неопределенности того, что считать критерием их состоятельности. Поэтому мы используем в анализе только трансферты, имеющие безусловную и однозначно понимаемую количественную оценку, а именно:

- продуктовые (продукты питания и вещи, включая товары длительного пользования), оцениваемые в рублях;
- денежные (деньги, переданные в дар, т. е. безвозмездно) в рублевом эквиваленте;
- долговые трансферты (одалживаемые и отдаваемые в погашение долга суммы) в рублевом эквиваленте;
- трудовые (трудовая помощь), измеряемые в часах.

Данные ресурсные потоки отслеживались ежедневно в течение года — с 1 сентября 1999 г. по 31 августа 2000 г. В нашем анализе используются данные сетевых бюджетов 17 сельских (село Даниловка Саратовской области) и 12 городских (г. Краснодар) семей¹⁹. Домохозяйства отбирались по двум критериям: учитывался возраст семьи и ее материальное положение. Возраст предполагал три градации: молодые семьи (возраст супругов до 30 лет включительно), семьи среднего возраста (возраст супругов от 31 до 50 лет) и пожилые семьи (супруги старше 50 лет). Материальное положение семьи определялось по знаменитой шкале ВЦИОМа, согласно которой первые два ответа соответствовали определению семьи как бедной, следующие два — как среднеобеспеченной и, наконец, последующий ответ определял семью как богатую²⁰. Самооценка респондентов сравнивалась с оценкой эксперта-интервьюера, вхожего в семью и контролирующего заполнение сетевых бюджетов. За редким исключением эти оценки совпадали. Подчеркнем, что выборка семей в селе и в городе нерепрезентативна. Это исследование, не претендуя на отражение генеральной совокупности российских домохозяйств, реализует стратегию case-study.

Распределение семей, вошедших в выборку, в континуумах возраста и благосостояния представлено в табл. 1.

По каждому обменному акту фиксировались:

- дата обмена;
- направление трансферта (исходящий или входящий ресурсный поток);
- контрагент обмена (кому предназначен или от кого получен трансферт);
- вид трансферта (продуктовый, трудовой, денежный безвозмездный или долговой);
- величина трансферта в стоимостных показателях или в часах;
- описание трансферта (натуральные показатели продуктовых даров или содержание трудовой помощи).

¹⁹ Эмпирические данные по селу Даниловка Саратовской области собрали И. Штейнберг и М. Мореханова. Данные по Краснодару предоставлены А. Деминьим. Их кропотливый и добросовестный труд заслуживает отдельной благодарности.

²⁰ Речь идет о вопросе «К какой из следующих групп населения вы могли бы отнести себя скорее всего?». Варианты ответов сводятся с перечню того, что может позволить себе семья, а на что денег не хватает. Первые две градации — денег не хватает на продукты или покупку одежды; вторые две градации — денег не хватает на покупку вещей длительного пользования или «действительно дорогих вещей». Последняя градация — «Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки — квартиру, дачу и многое другое».

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

Таблица 1 Распределение семей, вошедших в выборку исследования

Вид семьи	Бедные семьи		Среднеобеспеченные семьи		Богатые семьи	
	Село	Город	Село	Город	Село	Город
Пожилые семьи	—	1	3	2	—	—
Семьи среднего возраста	3	2	5	4	2	1
Молодые семьи	2	1	2	1	—	—

Информация собиралась по следующей форме: 2 марта 2000 г. семья № 1 передала дочери килограмм моркови на сумму 7 руб.; 3 марта 2000 г. семья № 1 получила от племянника безвозмездную денежную помощь в сумме 50 руб.; 6 марта 2000 г. внук отремонтировал телевизор, на что ему понадобилось 2 часа ит.д.

Всего в течение года было зафиксировано более 3,5 тыс. трансфертов, явившихся единицами анализа. Формализованные и закодированные данные обрабатывались с помощью SPSS.

Напомним, что речь идет всего о 29 домохозяйствах. Иначе говоря, среднее домохозяйство за год участвовало в сетевых обменах более сотни раз, т. е. в среднем раз в три дня российская семья принимала помощь или оказывала услугу на безвозмездной основе. Это к вопросу о распространенности реципрокных обменов. Что же касается их значимости, то она характеризуется долей получаемой от окружения помощи и потоков ответной благодарности в совокупных доходах семей. В нашем случае доля отданных благ в совокупных доходах, скажем сельского населения, составила в среднем 10 %, а доля полученных благ — 12 %. И это, не учитывая трудовую помощь, информацию и советы.

Общий баланс сетевых обменов 17 сельских и 12 городских семей, фиксирующий помимо продуктовых и денежных трансфертов помощь трудом и долговые обязательства семей, представлен в табл. 2 и 3.

Помимо сетевых бюджетов со слов респондента получали графическое изображение его сетевого мира. Здесь сетевые каналы уже не облекались в натуральные и стоимостные показатели, а фиксировались графически и, что особо важно, сопровождалось комментариями о динамике сетевой конфигурации, логике сетевого членства, силе связей и т. д. Совместная с исследователем зарисовка сети служила поводом ее обсуждения и объяснения. Заметим, что наши сети исключительно эгоцентричные, т. е. фиксирующие связи домохозяйства с его окружением. С этим связаны два ограничения: Во-первых, мы не фиксируем связи, существующие между семьями и представляющие внешнее окружение. Хотя они тоже могут быть знакомы друг с другом, обмениваться ресурсами, иметь предпочтения в общении, что улавливают так называемые полные отношения сети (full relational social networks). Во-вторых, домохозяйство воспринимается как единое целое без учета внутренних обменов дарами между членами семьи²¹. Скажем, обмен подарками между супругами, родителями и

²¹ Потоки внутри домохозяйств представляют собой отдельную исследовательскую тему. Как справедливо отметил Пал, «мы привыкли рассматривать домохозяйство как единицу, внутри которой потоки неразличимы, тогда как необходимо увидеть отдельно эти

Таблица 2 **Общий баланс получаемых и отдаваемых ресурсов в селах**

№ семьи	Продукты, руб.		Труд, час		Деньги в дар, руб.		Деньги в долг, руб	
	Отдали	Получили	Отдали	Получили	Отдали	Получили	Взяли	Отдали
1	5143	1705	104	1680	100	100	500	100
2	2 477	3 956	1680	104	1010	-	20	20
3	1 109	2 923	204	115	9 250	-	-	-
4	230	2 704	52	61	-	2 810	610	45
5	1323	800	-	120	3 600	900	-	-
6	-	1060	4	5	-	500	380	60
7	2 780	731	5	5	1 350	-	3 345	3 945
8	2 555	3 347	-	96	1007	1030	100	100
9	3270	7 335	5	34	380	1410	1730	600
10	1 518	8 474	105	-	100	-	-	-
11	834	2 959	-	18	-	1670	250	250
12	402	700	116	29	650	300	4 250	4 250
13	2 536	2 898	33	58	910	150	1 780	580
14	5 034	8 803	101	24	325	1850	1050	120
15	2 731	3815	-	14	1 560	-	-	-
16	1027	264	42	-	230	150	50	800
17	623	392	33	-	-	240	-	50
Всего	33 592	52 866	2 484	2 363	20472	11 110	14 065	10 920

Таблица 3 **Общий баланс получаемых и отдаваемых ресурсов в городах**

№ семьи	Продукты, руб.		Труд, час		Деньги в дар, руб.		Деньги в долг, руб	
	Отдали	Получили	Отдали	Получили	Отдали	Получили	Взяли	Отдали
1	792	271	48	1	200	3750	-	-
2	1754	6245	3	987	2200	13750	520	430
3	2000	6287	2	1024	100	7830	-	50
4	7941	2440	2	2	-	-	-	-
5	10620	4401	321	95	21557	134650	-	-
6	9090	2377	63	3314	-	-	200	200
7	21960	13050	110	108	2350	500	-	-
8	1436	1215	-	34	150	1066	150	150
9	6438	7971	102	1341	1740	3370	6000	5600
10	1859	6927	15	364	200	620	2330	2330
11	4463	515	64	-	300	1000	-	-
12	1794	9826	37	437	-	9050	-	-
Всего	70147	61525	767	7707	28797	175586	9800	8760

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

детьми в данном случае не рассматривается, если они не отдалены друг от друга в качестве отдельных экономик. Мы ограничиваемся анализом входных и выходных потоков конкретной семьи, ставшей объектом исследования. Входные потоки приносят в семью продуктовую, денежную, трудовую помощь, а выходные потоки передают соответствующие ресурсы внешнему окружению.

Последующее сопоставление сетевых бюджетов и сетевой графики давало возможность поставить одни вопросы и разрешить другие. Фактически речь идет о триангуляции как способе разноплановой проверки выводов, получаемых качественными методами.

И наконец, во всех семьях, заполнявших сетевые бюджеты, были проведены углубленные интервью (29 интервью), включавшие в качестве тематического блока сетевую проблематику. В дополнение к этому было проведено 6 интервью исключительно по проблемам сетей с семьями, не участвовавшими в бюджетном опросе. Интервью включали в себя следующие содержательные блоки:

- выявление представлений респондента о постоянном составе элементов «его» сети, идентификация элементов сети как членов семейного клана, дружеской компании и пр.;
- формы, частота и масштабность оказываемой и принимаемой помощи — продуктовой, трудовой, психологической;
- динамика сети (кто из сети вышел, кто появился, по какой причине, в результате каких событий);
- характеристика внешней среды как благоприятная, так и неблагоприятная для оказания сетевой взаимопомощи;
- отношение респондента к существованию сетей взаимоподдержки.

Для анализа сетевого взаимодействия определимся с терминами. Сетевое взаимодействие имеет две основные характеристики — плотность и интенсивность. Под *плотностью сетевого взаимодействия* понимается количество обменных актов в единицу времени (в нашем случае в течение года). Плотность обмена может измеряться по сети в целом или в отношении отдельного контрагента. Под интенсивностью сетевого взаимодействия понимается стоимостной эквивалент продуктовых и денежных даров. Интенсивность обмена также может измеряться по сети в целом или в отношении отдельного контрагента. Трудовая помощь в нашем случае не имеет стоимостного эквивалента и фиксируется отдельно, в затратах времени. Таким образом, плотность обмена редуцируется до слов «как часто» происходят трансферты, а интенсивность обмена — до слов «какова стоимость» продуктовых и денежных даров.

2.2. Гипотезы и их проверка

Гипотезы, проясняющие характер сетевых взаимодействий домохозяйств, можно разделить на две группы. Первая группа гипотез восходит к общему характеру сети, особенностям ее функционирования как единого целого. Вторая посвя-

потоки, а также социальные и экономические отношения, которые фиксируются в виде контроля различных членов домохозяйств за теми или иными потоками» [Pahl 1983, p. 256]. Б. Малиновский считал внутрисемейные дары «чистыми», так как в них отсутствует ожидание ответных действий [Malinowski 1922, p. 177]. Хотя именно в ситуации отсутствия ответных потоков возрастает зависимость одариваемого.

щена положению отдельных участников сети. Иначе говоря, нам предстоит ответить на вопросы о том, как работает сеть и какова при этом роль ее отдельных членов.

Гипотезы общесетевого характера:

1. «парной симметричности»;
2. «круговой симметричности»;
3. «парной стоимостной эквивалентности»;
4. «совокупной стоимостной эквивалентности»; «трудовой компенсации»
5. «сезонных колебаний»;
6. «продукты — деньги - труд»;
7. «материально-возрастной детерминации».

Гипотезы ролевой дифференциации участников сети:

1. «женского лобби»;
2. «бабушкиной заботы»;
3. «сетевого дарения и кредитования»;
4. «силы родственных связей».

Какие же из наших предположений подтверждаются, какие — опровергаются имеющимися данными?

2.2.1. Гипотезы общесетевого характера

Гипотеза «парной симметричности». Семья равное число раз оказывается в роли дарителя и одариваемого в каждой паре взаимодействий. Люди могут не иметь возможности обмениваться подарками равной стоимости, но пытаются на каждый подарок отвечать ответным даром. При этом форма дара роли не играет.

С точки зрения обыденной логики эта гипотеза вполне оправдана (иначе ее можно назвать гипотезой «ответного хода»). Действительно, не так важно, деньги нам дали, помогли с ремонтом или поделились урожаем, — в ответ принято благодарить, и не только на уровне «спасибо». При этом никто не ожидает точного стоимостного соответствия обмениваемых благ. Но можно ожидать соответствия числа входных и выходных трансфертов в каждой паре взаимодействий. Скажем, если вас угостили чем-то соседи, то они вправе ждать ответного хода пусть это будет ваша готовность посидеть с их ребенком, или возможность занять у вас деньги. Не важно, что, угостив на рубль, они попробуют забыть у вас ребенка на выходные, но важно, что их любезность порождает ответное действие²². Каждый дар порождает ответный ход в каждой паре взаимодействий, при этом стоимость и форма дара роли не играют — в этом суть данной гипотезы. Если это так, то в течение года семья примерно равное число раз получает нечто от участника сети и отдает ему.

Для проверки этой гипотезы мы рассчитали *индекс плотности обмена с каждым участником сети* как соотношение количества исходящих от исследуемых

²² Наша фантазия слишком бедна, что вообразить себе многообразие форм «ответных ходов». В интервью представлен их калейдоскоп, включая довольно экзотические формы. Так, завуч школы обязывает учительницу бесплатно заниматься с сыном подруги, муж которой отремонтировал ее автомашину. А в другой семье благодарность соседей проявляется в том, что они приходят с каталогом модной одежды и убеждают сына надеть купленную ему вещь. В качестве услуги распространено право пользоваться бытовой техникой: один респондент в течение года пользовался кофемолкой соседей, а другой — стиральной машиной подруги.

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

семей и принимаемых ими трансфертов. И сделали это отдельно по каждой обменной линии. Получили индекс плотности обмена с родителями жены, с родителями мужа, с внуками и другими членами городских и сельских семей. Индекс, близкий к единице, говорит о примерном совпадении количества разнонаправленных даров. Значение меньше единицы означает, что семья реже дает, чем получает в данной обменной паре, а превышение единицы свидетельствует об обратном. При однонаправленных потоках индекс не рассчитывался, но фиксировалось число таких пар, очевидно не вписывающихся в нашу гипотезу.

Получается, что мы не правы. Гипотеза опровергается по двум основаниям. Во-первых, индекс плотности обмена, равный единице, встречается крайне редко: это означает, что совпадение числа итераций «туда» и «обратно» скорее исключение, чем правило. Если даже смягчить требование и рассмотреть индексы в интервале от 0,5 до 2, т. е. допустить двойное несоответствие количества исходящих и входящих потоков, то и в этот широкий диапазон попадает лишь около половины сельских и городских пар взаимодействия (табл. 4). В остальных случаях количество входных и выходных потоков отличается более чем в два раза.

Во-вторых, в подавляющем большинстве семей фиксируются однонаправленные потоки. Все без исключения сельские семьи и почти все городские имели хотя бы одного контрагента, обмен с которым был исключительно односторонним, т. е. хотя бы с одним участником сети семья выступала исключительно в роли донора или реципиента, ломая логику «ответного хода».

Наши данные опровергают гипотезу о соответствии количества входящих и исходящих потоков в каждой паре взаимодействия. В реципрокных обменах нет ритма маятника, нет парной симметрии количества даровых итераций. Разнонаправленные потоки, как правило, не совпадают по плотности. Роль дарителя может повторяться в несколько раз чаще, чем роль принимающего блага, и наоборот.

Гипотеза «круговой симметричности». Пусть в каждой конкретной паре взаимодействия нет соответствия плотности встречных потоков, но в совокупном сетевом обмене семья примерно равное число раз играет роль донора и реципиента.

Гипотеза оправдана теми соображениями, что каждый дар воспринимается как сигнал, как напоминание, что сеть жива, что она держится на потоках безвозмездных благ. И если семья не может или не хочет отвечать на каждый дар непосредственно тому, от кого он получен, то она все равно сделает ответный ход, но в другом направлении, в другом обменном тандеме. На уровне обыденных наблюдений это проходит. Получив посылку от родителей, торопятся поделиться с детьми; заняв деньги у друзей, легче реагируют на просьбу погулять с соседской собакой и т. д. Обосновывается такая лояльность обычно фразой «нам ведь тоже помогали». Иными словами, предполагается, что в сетевых обменах семья получает блага примерно так же часто, как и отдает их, выходя на своеобразную «ничью» со своим сетевым окружением. И не важно, что получает от одних, а отдает другим. Главное, что по количеству трансфертов из семьи и в семью удерживается примерное равенство.

Эта гипотеза не подтвердилась. Для ее проверки мы рассчитали *индекс плотности совокупного обмена семьи* как соотношение исходящих и входящих транс-

Таблица 4 Расчет индекса плотности обмена для участников сети

Характер связи с контрагентами по количеству отданных им и полученных от них даров	Индекс плотности обмена с каждым участником сети	Число контрагентов	
		Село	Город
Контрагенты, которым семья отдает реже, чем получает, более чем в 2 раза	$0 < I < 0,5$	13	17
Контрагенты, которым семья отдает реже, чем получает, но не более чем в 2 раза	$0,5 < I < 1,0$	11	8
Контрагенты, которым семья отдает столько же раз, сколько получает	$I=1$	10	3
Контрагенты, которым семья отдает чаще, чем получает, но не более чем в 2 раза	$1,0 < I < 2,0$	14	10
Контрагенты, которым семья отдает чаще, чем получает, более чем в 2 раза	$2,0 < I$	15	13
Контрагенты, которым семья только отдает или от которых только получает	Индекс не рассчитывается	36	19

Таблица 5 Расчет индекса плотности совокупного обмена семьи

Характер связи с сетевым окружением по количеству отданных и полученных даров	Индекс плотности совокупного обмена семьи	Количество семей	
		Село	Город
Семья отдает реже, чем получает, более чем в 2 раза	$0 < I < 0,5$	5	4
Семья отдает реже, чем получает, но не более чем в 2 раза	$0,5 < I < 1,0$	2	4
Семья отдает чаще, чем получает, но не более чем в 2 раза	$1,0 < I < 2,0$	5	2
Семья отдает чаще, чем получает, более чем в 2 раза	$2,0 < I$	5	2

фертов в течение всего года. Буквально две-три семьи укладываются в эту логику, т. е. имеют данный индекс близкий к единице. И даже в интервал двойного несоответствия ($0,5 < I < 2,0$) попадает менее половины нашей выборки. В остальных случаях количество входящих трансфертов отличается от количества исходящих в несколько раз (табл. 5). Таким образом, семьи имеют узкую специализацию: они преимущественно либо одаривают, либо одариваемы. Напомним, что речь идет только о числе трансфертов без учета их стоимости. Одни семьи чаще говорят «спасибо», другие чаще практикуют ответ «на здоровье». И принадлежность к городу или селу ничего не меняет. Правда, в селе больше семей с перевесом числа исходящих от них трансфертов, а в городе — входящих. Это может отражать большую приверженность селян к одариванию социального окружения, но объем выборки слишком мал, чтобы делать соответствующие выводы.

Гипотеза «парной стоимостной эквивалентности». В рамках данной гипотезы предполагается, что в отношениях с каждым контрагентом соблюдается примерное соответствие стоимости обмениваемых благ, т. е. интенсивность исходящих и входящих потоков совпадает.

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

В обменных тандемах нет соответствия числа трансфертов. Но может быть взаимонаправленные потоки равны по стоимости — одни даруют часто, но «по мелочи», тогда как им отвечают изредка, но дорогими подарками? Скажем, заколовшая свинью семья, отдав половину мяса детям, вправе каждый выходной получать от них по тортнику к чаю. В этом случае соотношение количества исходящих и входящих трансфертов может быть чудовищно, но их стоимостные оценки близки. И здравый смысл вполне приемлет эту гипотезу. Даже в семейных отношениях иногда щелкают костяшки счетов, а уж в отношениях с соседями, знакомыми, коллегами даже самые возвышенные натуры прибегают к калькуляции того, во что им обходится такая дружба. Вспомним народную мудрость «Дальше счет — крепче дружба».

Подчеркнем, что проверка данной гипотезы имеет два жестких ограничения. Первое связано с тем, что часть трансфертов в принципе не имеет стоимостной оценки. Не всегда есть возможность оценить трудовую помощь по рыночной стоимости аналогичных услуг. Еще сложнее придать стоимостную оценку информации, совету, дружеской поддержке, которые зачастую ценятся очень высоко и полностью сглаживают субъективную оценку внешне неэквивалентного обмена²³. Непросто обстоит дело и с деньгами. Безвозмездно переданные суммы не вызывают проблем. Но межсемейные беспроцентные кредиты, хоть и являются услугой сетевого взаимодействия, подлежат возврату, поэтому не могут суммироваться с безвозмездными потоками. Поэтому мы будем учитывать только продуктовые трансферты в стоимостной оценке и подаренные деньги, фиксируя интенсивность обмена с тем или иным контрагентом сетевого взаимодействия. Одалживаемые суммы (возвращаемый долг), трудовое участие, информационные и эмоциональные трансферты в данном случае не рассматриваются.

Второе ограничение связано с временным горизонтом исследования. Мы не имеем возможности трактовать трансферты в контексте событий, происшедших ранее года исследования или ожидаемых в будущем. Скажем, массированная благодарность за то, что было получено в году, предшествовавшему периоду исследования, неизбежно трактуется нами как неэквивалентный обмен, хотя по сути им не является. Однако это ограничение смягчается тем, что период исследования довольно длителен (год), и есть основания предполагать, что большинство обменных цепочек все же уместилось в этот период.

Для проверки данной гипотезы были рассчитаны стоимости встречных потоков. Из соотношения этих сумм определяется *индекс интенсивности обмена с каждым участником сети*. Понятно, что приближенное к единице значение этого индекса подтверждает нашу гипотезу. В случае однонаправленности потоков индекс не рассчитывается, но само наличие таких ситуаций работает против гипотезы.

²¹ Большинство респондентов в интервью подчеркивали важность информационных и эмоциональных контактов. При этом информационные трансферты, как правило, обслуживают два рода проблем — трудоустройство и покупку дорогих вещей. В первом случае услуга оказывает в виде рекомендации, во втором — как экспертные оценки потребительских свойств товара. Ни одна дорогостоящая покупка не совершается без консультации с теми, кто «разбирается в этом». «Я весь день на телефоне с подругами советовалась, потому что муж сказал, что к вечеру я должна определиться, какой кондиционер нам нужен».

Таблица 6 Расчет индекса интенсивности обмена для участников сети

Характер связи с контрагентами по стоимости отданных им и полученных от них даров	Индекс интенсивности обмена с каждым участником сети	Число контрагентов	
		Село	Город
Контрагенты, которым семья отдает меньше, чем получает, более чем в 2 раза	$0 < I < 0,5$	16	18
Контрагенты, которым семья отдает меньше, чем получает, но не более чем в 2 раза	$0,5 < I < 1,0$	11	8
Контрагенты, которым семья отдает по стоимости столько же, сколько получает	$I = 1$	1	0
Контрагенты, которым семья отдает больше, чем получает, но не более чем в 2 раза	$1,0 < I < 2,0$	10	2
Контрагенты, которым семья отдает больше, чем получает, более чем в 2 раза	$2,0 < I$	13	11
Контрагенты, которым семья только отдает или от которых только получает	Индекс не рассчитывается	33	19

Оказалось, что данные отклоняют версию о стоимостном равенстве встречных обменных потоков (табл. 6). Во-первых, равное единице значение данного индекса — буквально единичный случай. Принято благодарить «приблизительно», точная же калькуляция считается дурным тоном в отношениях близких людей. Во-вторых, двойное стоимостное несоответствие потоков «туда» и «обратно» (что соответствует диапазону значений данного индекса от 0,5 до 2,0) встречается крайне редко. Так, только треть сельских и четверть городских обменных тандемов придерживаются этого правила; в остальных случаях стоимости обменных даров различаются более чем в два раза. В-третьих, почти во всех исследуемых семьях с кем-то из контрагентов устанавливалась игра в одни ворота, когда ответный ход или не наступал вообще, или не имел стоимостной оценки, а заменялся советом, эмоциональной поддержкой, трудовым участием и пр.

Таким образом, гипотеза о парной стоимостной симметричности обмениваемых благ с каждым участником сети — опровергнута. Люди обмениваются с друзьями и родственниками, позволяя себе многократное несоответствие стоимости встречных потоков, не говоря уже о возможности промолчать в ответ. Однако эта ситуация не ввергает сети в раздоры и тяжбы, поскольку соответствует принятым нормам. Впрочем, подобное несоответствие обмениваемых благ более гладко проходит в отношениях с родственниками. Чужие люди зачастую реагируют на свою неспособность адекватно отблагодарить довольно болезненно, как на бытовой маркер социальной демаркации²⁴.

Гипотеза «совокупной стоимостной эквивалентности». Семья в течение года отдает благ примерно на ту же сумму, что и получает от всех участников сети.

²⁴ Это обстоятельство отмечают состоятельные респонденты: «Когда я начала больше отдавать, то в итоге я всех потеряла. Лучше не делать добра такого, что человек, когда чувствует себя обязанным, когда уже перебарщиваешь с благотворительностью, то ничего хорошего не получится, как правило, теряешь его».

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

Мы уже выяснили, что семья может помогать одним и получать помощь от других, в результате чего в каждой паре взаимодействий за год набегает приличное несоответствие получаемых и отдаваемых благ в их стоимостной оценке. Но быть может эти несоответствия «гасят» друг друга? Возможен ли стоимостной паритет между отдаваемыми и получаемыми дарами в целом по сети?

Как и в предыдущей гипотезе, речь идет только о продуктовых и безвозмездных денежных трансфертах. Трудовые, информационные, а также долговые трансферты не учитываются ввиду сложностей их стоимостной оценки. Для проверки гипотезы для каждой семьи рассчитывается стоимость отданных и полученных благ (продуктовые и безвозмездные денежные трансферты) как совокупный итог сетевого взаимодействия со всеми участниками сети. Соотношение стоимости отданных и полученных благ выявляет *индекс интенсивности совокупного обмена семьи*. Понятно, что наивно ожидать точного соответствия этого индекса единице. Это означало бы неправдоподобную серьезность семейной бухгалтерии, маниакальную страсть учитывать каждый дарованный рубль и панический страх не поделиться на эту же сумму с ближним. Аптечная точность странно смотрится в лоне семьи. Поэтому будем считать гипотезу неотклоненной, если в большинстве наших семей стоимости получаемых и отдаваемых благ различаются не более чем в два раза. Это довольно широкий диапазон, выбивание из которого означает многократное несоответствие стоимости получаемых и отдаваемых по сети благ.

Увы, и эта гипотеза оказалась несостоятельной. Всего 6 сельских и 3 городских семьи удерживаются в этом, прямо скажем довольно широком, диапазоне (табл. 7). Остальные, т. е. большинство семей, не пытаются соблюсти паритет получаемой и отдаваемой стоимости, легко выходя за границы двойного несоответствия. Стоимостные оценки совокупных входных и выходных потоков, как правило, не равны. При этом сельские семьи по совокупности сетевых контактов с равной вероятностью выступают в роли донора и реципиента, тогда как городские семьи, участвующие в исследовании, предпочитают роль реципиента, получая значительно больше, чем отдавая. Другими словами, семьи, выступая для кого-то донором, а для кого-то реципиентом, в целом не выходят на «ничью». Но это, напомню, вывод, сделанный на основе анализа стоимости трансфертов. Изменится ли вывод, если в анализ ввести помощь трудом?

Гипотеза «трудовой компенсации». Трудовые трансферты компенсируют неэквивалентность продуктовых и денежных обменов, т. е. семьи-доноры стоимостных трансфертов обязательно будут реципиентами трансфертов трудовых. И наоборот, семьи, которые продуктами и деньгами получают больше, чем отдают, неизбежно будут «гасить» свои долги, трудясь на благо ближних.

Гипотеза вполне сообразна здравому смыслу. Получая продуктовые и денежные подарки и не имея возможности ответить тем же, семьи могут практиковать трудовые десанты. Скажем, родители передают детям часть урожая, а те в ответ помогают копать грядки. Соседка, получившая к празднику ценный подарок, не может отказаться посидеть с ребенком дарителя. Приятель, починивший телевизор и не берущий за это деньги, уносит с собой банку варенья, и т. д. Сплошь и рядом, памятуя о дарах в виде набитых сумок или менее набитых конвертах, мы совершаем трудовые подвиги, как и наоборот, утирая пот со лба, ждем ответных ходов ближних. Но является ли эта логика закономерно

Таблица 7 Расчет индекса интенсивности совокупного обмена семьи

Характер связи с сетевым окружением по стоимости отданных и полученных даров	Индекс интенсивности совокупного обмена семьи	Количество семей	
		Село	Город
Семья отдает меньше, чем получает, более чем в 2 раза	$0 < I < 0,5$	5	6
Семья отдает меньше, чем получает, но не более чем в 2 раза	$0,5 < I < 1,0$	3	2
Семья отдает больше, чем получает, но не более чем в 2 раза	$1,0 < I < 2,0$	3	1
Семья отдает больше, чем получает, более чем в 2 раза	$2,0 < I$	5	3

или, наоборот, трудовые трансферты только усугубляют неэквивалентность стоимостных обменов? Ведь вполне реально, что, получая от родителей набитую продуктами сумку, дети скромно интересуются, когда к ним придут помочь с уборкой, а от починившего телевизор приятеля принимают в дар новую антенну. Как обстоят дела с трудовыми трансфертами?

Для проверки гипотезы мы сопоставили роль семей в продуктовом, денежном и трудовом обменах²⁵. Сглаживающее влияние трудовых трансфертов фиксируется нами в случае, если семья-донор по стоимостным трансфертам выступает реципиентом потоков трудовых. Или, наоборот, реципиент превращается в донора. Усугубление неравенства стоимостного обмена фиксируется нами в случае, если роли донора и реципиента в трудовом обмене вторят соответствующим ролям стоимостного взаимодействия.

Здесь необходимо оговорить три момента. Во-первых, мы вполне допускаем, что семья может получать стоимостные трансферты от одних лиц, а оказывать трудовую помощь другим. Отсюда сравнение проходит не по каждому обменному тандему, а по сети в целом. Это вполне логично, учитывая сложную систему отношений и взаимных обязательств участников сети. Во-вторых, мы предполагаем некую единую для всех обменов ценность условного часа трудовой помощи, что является очень сильным предположением. Скажем, ситуация, когда семья помогает родственникам буквально парой часов труда в обмен на их многочасовые усилия, вовсе не обязательно говорит о неравенстве трудовых обменов. Ведь возможны обмены уникальных навыков на простейшие трудовые операции. Однако мы вынуждены предположить единую ценность всех трудовых усилий, так как у нас нет другого выхода. Данные не содержат ни рыноч-

²⁵ Мы не группируем трудовые трансферты по типам решаемых ими задач, хотя и признаем креативность предложенной Е. Сиком классификации взаимного обмена трудом на нерыночной основе (reciprocal exchange of labour on anon-market basis). Он выделял три типа такого обмена: обмен трудом во имя неэкономической цели, например, ради сплочения группы. Во втором случае к взаимному обмену трудом прибегают для повышения эффективности труда. Третий тип порожден нехваткой рабочей силы из-за непредвиденных (например, болезнь) или же ожидаемых трудностей (например, строительство дома) [Sik 1989].

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

ной стоимости аналогичных услуг, ни их субъективной значимости в виду сложившихся обстоятельств. Отсюда сравнение проходит исключительно по числу часов без учета их дифференцированной ценности для участников обмена. В-третьих, сглаживающее влияние трудовых трансфертов может быть далеко не достаточным (или избыточным) для выравнивания стоимостного дисбаланса, т. е. соотношение стоимостных даров может быть не пропорционально соотношению трудовых трансфертов. В рамках данной гипотезы этому не придается значение. Для нас важно лишь выяснить, сглаживают или усугубляют трудовые трансферты неэквивалентность стоимостных обменов без учета степени такого влияния. Гипотеза принимается, если в большинстве семей происходит подобное сглаживание.

Но, к сожалению, и эта гипотеза не оправдалась. В половине сельских и подавляющем большинстве городских семей трудовые трансферты не сглаживают, а усугубляют неэквивалентность продуктовых и денежных трансфертов (табл. 8). Представления, что трудовой энтузиазм «гасит» продуктовую зависимость, не имеют под собой оснований: привыкшие брать, берут многопланово, а привыкшие одаривать, делают это в том числе с помощью труда. Заметим, что из всех семей, где отмечен сглаживающий эффект трудовых трансфертов, лишь в одной городской и в одной сельской семье примерно во столько же раз разнились исходящие и входящие трудовые потоки, что и стоимостные. В остальных случаях, хоть мы и фиксируем сглаживающий эффект, но отмечаем его явную недостаточность (или избыточность) для компенсации стоимостного несоответствия. В большинстве же случаев нет и этого. Реципиенты стоимостных благ остаются реципиентами и в трудовых обменах, а доноры дотируют сетевое окружение не только продуктами и деньгами, но и трудом. Зачастую люди не рефлексируют в связи с этой ситуацией²⁶.

Гипотеза «сезонных колебаний». В силу того, что жизнь сельских семей теснее чем городских связана с природными условиями, предполагается, что обмен дарами на селе менее однороден во времени и имеет подъем в летне-осеннюю пору.

Наши данные полностью соответствуют данной гипотезе. Действительно, обмены дарами на селе происходит чаще летом и осенью, чем весной и зимой. Так, почти каждый третий трансферт приходится на июнь — август, тогда как в зимнее время (декабрь—февраль) количество трансфертов уменьшается в полтора раза (табл. 9). Это легко объяснить летним и осенним ростом надоев молока, увеличением яйценоскости кур и обилием продуктов с грядки. Заметим, что данные касаются Кубани и Саратовской области. Это позволяет пользоваться хрестоматийным представлением о протяженности времен года. Скажем, в Сибири или Якутии довольно странно называть ноябрь и даже октябрь осенними месяцами. Но в нашем случае трехмесячные сезоны вполне оправданны.

В городе же сезонные колебания обменной активности менее заметны. Плотность трансфертов едва ли несет на себе печать природных условий. Сети поддерживают выработанный в них ритм взаимодействий без учета климатических факторов. Более того, максимальное количество городских трансфертов прихо-

²⁶ Из интервью: «Мне стыдно признаться, я первый раз в разговоре с вами проанализировала и поняла, что мне больше помогают, чем я. Но мои родные и знакомые уверены, что если я смогу, то обязательно им тоже помогу».

Таблица 8 Влияние трудовых трансфертов на неравенство стоимостных обменов

Влияние трудовых трансфертов на неравенство стоимостных обменов	Количество семей	
	село	город
Трудовые трансферты усугубляют неравенство стоимостных трансфертов	8	9
Трудовые трансферты сглаживают неравенство стоимостных трансфертов	8	2
Трудовые трансферты не влияют на неравенство стоимостных трансфертов	1	1

Таблица 9 Распределение числа трансфертов по временам года (в % по столбцу)

Время года	Село	Город	Все семьи
Осень (сентябрь-ноябрь 1999 г.)	27,7	25,6	26,7
Зима (декабрь-февраль 2000 г.)	19,0	27,0	23,1
Весна (март-май 2000 г.)	22,5	25,2	23,9
Лето (июнь-август 2000 г.)	30,8	22,2	26,3

дится именно на зимние месяцы, когда сельские сети успокаиваются и относительно замирают. Видимо, причина этого роста числа в данный период объясняется обилием праздников (Новый год, Рождество, День защитника отечества), которые отмечают и по старому, и по новому календарю, и по католическому, и по православному обычаю. Поэтому город именно зимой вступает в пик заполнения холодильников и прочих мест концентрации благосостояния коллективными усилиями родственников и друзей. На селе же одаривание становится более редким ввиду ресурсных ограничений, имеющих сезонную природу.

Теперь рассмотрим сезонные колебания не количества, а объема обменных итераций (табл. 10). Учитывая совокупные величины исходящих и входящих трансфертов.

Объемные показатели вносят уточнения в понимание сезонной специфики обменных актов. Действительно, продуктовые дары и помощь трудом имеют явную летне-осеннюю привязку, но денежные дары этой закономерности не подчинены. В нашем случае пик денежных подарков пришелся в селе на зиму, а в городе — на весну. Представляется, что с тем же успехом могли лидировать осень и лето. Объем денежных даров определяется скорее чередой праздников и личных юбилеев, а также всплесками погашения долга по заработной плате и пенсиям, чем временем года. Трудовая помощь, напротив, привязана к природным условиям. Летом горожане активно строят дачи, гаражи, ремонтируют квартиры, обихаживают садовые участки. Не удивительно, что более половины трудовой помощи горожан (56,6 %) осуществляется с июня по август. Селяне растягивают радость совместных усилий на лето—осень, вмещая в этот период 66,3 % трудовой помощи. Менее явно, но опять же в пользу летне-осеннего сезона варьирует на селе помощь продуктами. В городе же продуктовый обмен наиболее активен осенью и зимой.

Таким образом, если и говорить о сезонных колебаниях межсемейного обмена, то, во-первых, в их продуктовом и трудовом вариантах, но никак не в

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

Таблица 10 Распределение объема трансфертов по временам года

Время года	Село						Город					
	Продукты		Деньги (дар)		Труд		Продукты		Деньги (дар)		Труд	
	руб.	%	руб.	%	час	%	руб.	%	руб.	%	час	%
Осень	23 805	27,5	5 240	16,6	1 556	32,1	49 708	37,8	36 945	18,1	1036	12,2
Зима	20 485	23,7	13010	41,2	898	18,5	38 631	29,3	23617	11,6	1741	20,6
Весна	14 997	17,3	5 535	17,5	738	15,2	25177	19,1	101 535	49,7	897	10,6
Лето	27 171	31,5	7 797	24,7	1655	34,2	18 156	13,8	42 286	20,7	4 800	56,6
Всего	86 458	100	31582	100	4 847	100	131672	100	204 383	100	8 474	100

денежном. Во-вторых, село (в полном соответствии с гипотезой) активизируется летом и осенью как по плотности обменных актов, так и по их интенсивности. Зимой и весной на селе наступает относительный обменный штиль. Город же по частоте даров не имеет явно выраженных сезонных предпочтений. Что же касается их объема, то трудовая помощь горожан концентрируется в летние месяцы, а продуктовая — в осенне-зимние.

Гипотеза «продукты— деньги— труд». Сельские сети более тяготеют к продуктовым и трудовым трансфертам, а городские — к денежным. Это проявляется в соотношении как количества подобных даров, так и стоимости продуктовых и денежных трансфертов или же продолжительности трудовой помощи.

Гипотеза строится на устоявшемся в последние годы представлении о натурализации хозяйственной жизни селян. Разумно предположить, что дефицит денег сглаживается потоками товаров и трудовой помощью участников сети. Город же стимулирует фантазию по поводу непродуктовых подарков, в том числе в виде безвозмездных денежных трансфертов. Зачем перевозить из дома в дом пучок редиски, если ее можно купить были бы деньги. И городские сети работают в этом направлении, а сельские за неимением денег транслируют редиску или участие в ее выращивании. Так ли это? Для проверки данной гипотезы рассмотрим продуктовые и трудовые трансферты, а также безвозмездную передачу денег. Долговые обязательства и эмоциональная поддержка остаются за кадром. Слишком велика неопределенность фиксации последних, что ограничивает возможности их анализа.

Оказалось, что наша логика верна лишь отчасти. Действительно, стоимость переданных продуктовых и денежных даров (в данном случае мы суммируем отданные и полученные трансферты) существенно различается в сельских и городских сетях (табл.11). Селяне почти три четверти помощи оказывают в продуктовой форме и только четверть в форме денег. Это связано, конечно, с наличием личного подсобного хозяйства (ЛПХ), продукты которого являются материальной базой таких обменов²⁷. Горожане, наоборот, большую часть под-

²⁷ О роли ЛПХ в жизни селян говорит тот факт, что в среднем денежные и натуральные доходы от него составляют 48 % совокупного дохода сельских семей [Фадеева 1996, с. 440], а доля населения в совокупном сельскохозяйственном продукте составила в 1995 г. 38 % [Калабихина 1997, с. 132]. При этом товарность ЛПХ не велика и на селе, а в городе просто символическая. По данным обследования, проведенного в 1998 г. в г. Кемерово, 92 % семей не продавали выращенную продукцию. Зато весомая часть урожая

держки получают в форме денежных дотаций. Продуктовая база обменов у них значительно скромнее в силу, во-первых, отсутствия у многих дач и садовых участков и, во-вторых, скромной роли подсобного хозяйства в обеспечении городского населения продуктами питания. Городские ЛПХ значительно закрывают потребность в картофеле и овощах, но беспомощны в производстве мясных и молочных продуктов²⁸. Но это, подчеркнем, если рассматривать стоимостной эквивалент помощи.

Соотношение же количества соответствующих трансфертов рисует совсем иную картину. И в городе, и на селе около десятой части сетевых взаимодействий приходится на трудовые трансферты. Примерно такова и доля безвозмездных денежных вливаний. Оставшаяся часть взаимодействий (около 80 %) проходит в продуктивном режиме. Различия между городом и деревней в этом смысле почти отсутствуют. Более того, на селе деньги дарят даже немного чаще, чем в городе. Дефицитность денежных купюр на селе обуславливает значимость этого жеста. В результате денежные трансферты в сельских сетях сопоставимы с городскими сетями по плотности, но не сопоставимы по интенсивности. Село практикует скромные денежные и обильные продуктовые передачи, город — скромные продуктовые и щедрые денежные дары, хотя доли подобных трансфертов в городских и сельских взаимодействиях почти равны. Совпадают и доли трудовых трансфертов, хотя совокупная трудовая помощь сельских сетей примерно в полтора раза скромнее трудовой поддержки городских сообществ (4847 и 8474 часов соответственно). Другими словами, соотношение частоты продуктовых, денежных и трудовых трансфертов примерно одинаково в сельских и городских сетях, а вот объемы прокачиваемых в их рамках ресурсов — различны.

Гипотеза «материально-возрастной детерминации». Возраст супругов и материальное положение семьи определяют ее место в континууме «реципиент-донор». Молодые семьи оказываются чаще реципиентами, а состоятельные семьи — донорами сетевого общения.

Данная гипотеза восходит к представлению о домохозяйственных сетях, как о механизме амортизации материального неравенства. Участники сети находятся в круговороте оказания—получения помощи. Однако одни больше получают, другие больше отдают. Мы предположили, что эти домохозяйства различаются возрастом супругов и материальным положением семьи. Так ли это?

Проверку гипотезы осуществим отдельно в разрезе плотности обмена и его интенсивности, для чего используем описанные выше индексы совокупной плотности и интенсивности сетевого обмена. Для групп семей разного возраста и материального положения определим среднее значение соответствующих индексов (табл. 12).

Для более наглядного представления результатов воспользуемся градациями — радикальный реципиент, умеренный реципиент, умеренный донор, радикальный донор. Радикальный реципиент получает дары более чем в два раза

расходится по сетям социальной поддержки: 58 % городских домохозяйств отдают часть выращенного урожая (в среднем около 30 %) друзьям или родственникам [Варшавская 1999, с. 104].

²⁸ По данным опроса кемеровчан, семьи, имеющие садово-огородный участок, производят 91% потребляемого картофеля, 78 % овощей, но только 4 % мясных и 2 % молочных продуктов [Варшавская 1999, с.104].

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

Таблица 11 Доля продуктовых, денежных и трудовых трансфертов в сельских и городских сетях (в % по столбцу)

Виды трансфертов	Село		Город	
	Доля в общем количестве	Доля в совокупной стоимости	Доля в общем количестве	Доля в совокупной стоимости
Продукты	76,9	73	80,8	38
Деньги (безвозмездно)	12,3	27	8,9	62
Труд	10,8	—	10,3	—
Всего	100	100	100	100

Таблица 12 Средние значения индексов плотности и интенсивности

Значения индексов для разных семей		Бедные семьи		Среднеобеспеченные семьи		Богатые семьи	
		село	город	село	город	село	город
Индекс плотности совокупного обмена семьи	Пожилые семьи	—	0,9	1,3	1,4	—	—
	Семьи среднего возраста	1,5	0,8	1,8	2,5	2,0	2,1
	Молодые семьи	0,6	0,3	1,9	0,2	—	—
Индекс интенсивности совокупного обмена семьи	Пожилые семьи	—	0,7	0,9	1,1	—	—
	Семьи среднего возраста	0,6	0,5	1,8	1,8	3,4	3,3
	Молодые семьи	0,1	0,2	3,3	0,2	—	—

чаще (или больше по стоимости), чем отдает, что соответствует значению соответствующих индексов от 0 до 0,5. Умеренный реципиент получает чаще (или больше), но менее чем в два раза (индексы от 0,5 до 1,0). Нетрудно догадаться, что умеренный донор (индексы от 1,0 до 2,0) отдает чаще (или больше), чем получает, но не более чем в два раза. И, наконец, радикальный донор выходит за эту границу (индексы более 2,0). В данных терминах табл. 11 трансформируется в табл. 13.

Таким образом, гипотеза не опровергается. Действительно, в средней и старшей возрастной группах как в городе, так и на селе происходит движение от реципиентства к донорству по мере улучшения материального положения семьи (движение по строке). Сеть выступает перераспределительной базой, выравнивающей жизненные возможности участников сети. Семья получает помощь более зажиточных и помогает менее обеспеченным. Кстати, это обстоятельство приводит к своеобразной усталости состоятельных домохозяйств от сетевых обязательств²⁹.

²⁹ Из интервью: «В основном, я оказываю помощь, а не мне. Честно говоря, я устала от этого». «Родственники пользуются нами. Но куда от них денешься?». В результате наблюдательный респондент заметил, что «нищета больше сплавляет людей».

Таблица 13 Расчет характеристик семей по плотности и интенсивности обмена

Вид семьи	Бедные семьи		Средне обеспеченные семьи		Богатые семьи	
	село	город	село	город	село	город
	Характеристика семей по плотности обмена					
Пожилые семьи		Умеренный реципиент	Умеренный донор	Умеренный донор		
Семьи среднего возраста		Умеренный реципиент	Умеренный донор	Радикальный донор	Радикальный донор	Радикальный донор
Молодые семьи	Умеренный реципиент	Радикальный реципиент	Умеренный донор	Радикальный реципиент		
Характеристика семей по интенсивности обмена						
Пожилые семьи		Умеренный реципиент	Умеренный реципиент	Умеренный донор		
Семьи среднего возраста	Умеренный реципиент	Радикальный реципиент	Умеренный донор	Умеренный донор	Радикальный донор	Радикальный донор
Молодые семьи	Радикальный реципиент	Радикальный реципиент	Радикальный донор	Радикальный реципиент		

В свою очередь, в одной материальной нише усиливается донорство по мере взросления супругов. Старшие опекают младших. Причем городские молодые семьи являются радикальными реципиентами независимо от их материального положения, т. е. представление, что молодым надо помогать, существует даже тогда, когда экономическое положение семей диктует противоположную направленность потоков. Зачастую это объясняют тем, что, дескать, у старшего поколения существует «запас прочности», накопленный за жизнь без экономических встрясок в виде того же дачного участка, продукты с которого попадают к детям. На наш взгляд, это заблуждение. И при отсутствии «запаса прочности» помощь не ослабевает. Она диктуется не экономической, а социальной логикой. Наши данные свидетельствуют, что даже при отсутствии собственного урожая поток продуктовой помощи не ослабевает, даже если сырье покупается на рынке. В городе крайне сильны установки на заботу о «молодых», даже если они опрокидывают любые калькулируемые основания³⁰. Другим ресурсным благом, которым владеет старшее поколение, является свободное время, что выливается в заботу о внуках. Внуки, оставленные у бабушек и дедушек, позволяют родителям экономить на путевках в лагеря, на оплате услуг нянечек, а также на продуктах питания, так как вопрос о компенсации затрат в связи с пребыванием внуков, как правило, не ставится. Игра в дочки-матери оказывается не только увлекательной, но и выгодной для детей³¹.

На селе же отношения к молодым более приближены к экономической логике. Если материальное положение молодых семей позволяет, то они, несмотря на молодость, становятся донорами своего социального круга, т. е. их

³⁰ Из интервью: «Просто у меня мама не может этим не заниматься. Она считает, что если у нее не стоит 100 банок замаринованных помидоров, значит, она зимой умрет от голода. И нам все это переправляется».

³¹ В разных интервью рефреном повторялась мысль, выраженная одним из респондентов: «Мои дети питаются, потому что мы пашем с мужем. Всю свою жизнь положили для детей».

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

положение менее канонизировано, они не являются той «священной короной», которой приносят себя в жертву остальные участники сети. Молодость не является безусловным основанием получения помощи, что отчетливо прослеживается в городе.

2.2.2 Гипотезы ролевой дифференциации участников сети

Гипотеза «женского лобби». Главным распорядителем семейных ресурсов, как правило, выступает жена, что определяет более интенсивный и плотный обмен с ее родителями, чем с родителями мужа.

Гипотеза не опровергнута. Действительно, родители супругов находятся в существенно разном положении с точки зрения предназначенных для них и полученных от них благ (табл. 14). Отметим, что дары от родителей жены многочисленнее и ощутимее по стоимости, чем подарки родителей мужа. Однако эта разница не столь существенна, чтобы объяснить неравенство оказываемой родителям помощи. Имея некоторые основания для дифференциации дотаций своим родителям и родителям мужа, жены доводят разницу этих потоков до таких величин, что анекдоты по тещ начинают казаться скромной попыткой мужчин восстановить баланс родительских прав.

На наш взгляд, такое неравное внимание к родителям мужа и жены связано с внутрисемейным распределением контроля за ресурсами семьи. Даже в семьях, где стратегические вопросы решает исключительно муж, продуктами запасами, а зачастую и денежными накоплениями ведает жена. На подарки своих родителей жена реагирует бодрее, чем на подарки родителей мужа. В результате с родителями жены обмен продуктами и денег более плотный, а объем передаваемых ресурсов более впечатляющий. Физическая сила — единственным ресурсом, который чаще контролирует муж, чем жена. Этот ресурс востребован в виде трудовых трансфертов на селе. Трудовая помощь городских домохозяйств менее опирается на физическую силу. Как результат, помощь трудом на селе оказывается родителям мужа пусть и более скромная, но все же сопоставимая с помощью родителям жены. В городе же контроль женщин за трудовым ресурсом возрастает и диспропорция в помощи родителям увеличивается. Так, трудовая помощь родителям мужа меньше, чем родителям жены, в городе в 2,5 раза, а на селе только в 1,5 раза.

Можно предположить, что подобный женский лоббизм касается не только родителей, но и всех прочих родственников³². Однако мы не можем этого проверить: объем выборки слишком мал, чтобы погасить неравное распределение семей по наличию братьев, сестер, племянников и прочих родственников по линии мужа и жены. Наличие же родителей и характер связи с ними зависят главным образом от возраста респондентов. Поскольку возраст супругов, как правило, одинаков, то можно сравнивать отношения с родителями как мужа, так и жены.

³² Подчеркнем, что речь идет о роли мужа и жены в сетевых трансфертах, а не о гендерной специфике экономики дара как таковой. Дань моде — делить мир на мужчин и женщин. На самом деле и внутри этих гендерных лагерей роль мужа, брата, отца, сына предполагает существенно разные модели поведения и формы участия в экономике дара.

Таблица 14 Распределение отношений с родителями супругов в зависимости от предназначенных для них и полученных от них благ

Связи родителями жены		Село	Город	Связи с родителями мужа		Село	Город
Сколько раз передавались дары		208	91	Сколько раз передавались дары		43	36
Сколько раз принимались дары		227	307	Сколько раз принимались дары		134	134
Стоимость отданных:	продуктов	7600	3306	Стоимость отданных:	продуктов	1941	2085
	денег (в дар)	1625	2350		денег (в дар)	100	1600
Стоимость полученных:	продуктов	11487	16585	Стоимость полученных:	продуктов	9037	5148
	денег (в дар)	8040	13685		денег (в дар)	6612	17385
Трудовая помощь родителям жены, час.		374	116	Трудовая помощь родителям мужа, час.		228	48
Трудовая помощь от родителей жены, час.		1747	6042	Трудовая помощь от родителей мужа, час.		68	1268

Гипотеза «бабушкиной заботы». Подарки бабушек внукам не сопровождаются ответными дарами, что изначально считается нормальным. Помощь внукам как по количеству итераций, так и по стоимости передаваемых благ являются несимметричными, что считается допустимым и нормальным.

Правда ли, что с внуками идет игра в одни ворота и сколь часто и щедро не раскошеляются старики, они редко и мало получают в ответ? Наши данные не опровергают этой гипотезы. Действительно, внуки не имеют обыкновения возвращать старикам ответные блага. По крайней мере, сами внуки этого не делают, за них это делают родители или никто не делает. Причем это не вызывает протеста у стариков, так как те изначально предполагают несимметричность отношений. Смысл такой помощи — утверждение в собственных глазах и в глазах окружающих своей нужности, полезности.

В нашей выборке только 4 сельские и 3 городские семьи непосредственно обмениваются с внуками. Это связано с квотами по возрасту супругов. Понятно, что количество семей недостаточно, чтобы делать окончательные выводы, однако данные весьма красноречивы (табл. 15). Никакие другие родственники или представители дружеского круга не имеют такой степени дарственной адекватности, как внуки. В отдельно взятой семье может быть все, что угодно: на полном иждивении может находиться сват, брат, кума или приятель. Однако один и тот же родственник в разных семьях выступает то в роли донора, то в роли реципиента. И лишь внуки в этом калейдоскопе родственных статусов отличаются завидной устойчивостью реципиента, не отдавая долги ни в трудовом формате, ни в эмоциональном. Внуки — хронические реципиенты.

Помимо непосредственных подарков внукам существует помощь *по поводу внуков*. Обычно это проявляется в повышенных дотациях трудовой помощью и продуктами питания³³. Не случайно в сетях, где есть внуки, выше степень донорства старшего поколения³⁴. Появление внуков обрекает стариков на ради-

³³ По словам одного респондента, помощь родителей состояла в том, что они «сына вытасали».

³⁴ К выводу о повышенном бремени старшего поколения пришел и В. В. Радаев: «Согласно простой схеме межпоколенного обмена, наиболее состоятельная средневозрастная страта должна поддерживать своих более молодых и старых родственников. Эта простая схема не работает в России. Пенсионеры предпочитают становиться донорами и оказывать денежную поддержку своим детям и внукам» [Radayev 2001, p. 359].

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

Таблица 15 Реципрокность в контексте гипотезы «бабушкиной заботы»

Параметры реципрокности	Село	Город
Сколько раз передавались дары внукам	37	56
Сколько раз принимались дары от внуков	1	4
Разница стоимости переданных внукам и полученных от них даров	2 362	10 720

кальное донорство. Но делают они это добровольно и с чувством глубокого удовлетворения.

Гипотеза «сетевого дарения и кредитования». Сеть выступает источником безвозмездных дотаций и заемных кредитов. В безвозмездных денежных трансферах лидируют родственные связи — дарованные суммы тем больше, чем ближе родственная дистанция. В отношениях займов иная логика. У родителей одалживают реже и меньше, чем у прочих родственников, которые, в свою очередь, уступают знакомым вне родственных связей (соседям, коллегам, друзьям).

Речь в данной гипотезе фактически идет о неких культурных кодах, лимитирующих практику долговых обязательств. Берут в долг не только и не столько у тех, кто финансово состоятелен — отношения займа предполагают следование нормам, учитывающим близость родственных отношений. Как и безвозмездные денежные трансферты, их плотность и интенсивность зависят не только от нужды одних и состоятельности других. Законы сети ограничивают просьбы заемщиков и формируют поле возможных ответов кредиторов. Аналогично ожидание безвозмездной помощи и ее реализация не являются простым следствием материальной дифференциации участников сети. Как же распределены роли в кредитных историях наших семей и каковы отношения по поводу безвозмездных денежных траншей?

Ответы на эти вопросы приведены в табл. 16. Видно, что возвратные кредиты в отношениях родителей и детей не приняты из-за негласной нормы помогать безвозмездно. Соответственно долговые обязательства рассматриваются как компрометация кровных уз. Даже если деньги и занимаются, то потом очень часто долги «списываются», возможность чего изначально предполагается³⁵. Не исключен и возврат долга в неденежной форме — продуктами или трудовой помощью. При этом в отношениях с близкими родственниками довольно высок порог, с которого морально допустимо давать деньги не в дар, а в долг. Это должна быть сумма, которая оправдывала бы нарушение канона родственной безвозмездной помощи³⁶. Поскольку деньгами можно распорядиться по-разному, то дарение денег является более гибкой формой контроля за экономикой

³⁵ Из интервью: «Списали большие долги брату — сделали ему свадебный подарок». «Родители с пенсии накопили некоторую сумму, и нам ее просто отдали. Сказали: будет возможность — отдадите, не будет возможности — пусть это вам остается». «Родная сестра моя помогает очень деньгами. На операцию деньги дала, на обучение сына».

³⁶ На вопрос о том, в долг или безвозмездно даются деньги, был ответ: «Смотря какая сумма. До 50 рублей я могу просто дать, если человек нуждается. До тысячи рублей мы давали родителям так, была возможность, а уже больше тысячи мы давали в долг. Даже и родителям».

Таблица 16 Распределение безвозмездных дотаций и заемных кредитов

Денежные отношения		Село		Город	
		Доля стоимости денежных трансфертов, руб.	Количество денежных трансфертов	Доля стоимости денежных трансфертов, руб.	Количество денежных трансфертов
Взятие долга у:	родителей жены	8	2	-	-
	родителей мужа	-	-	-	-
	детей и внуков	-	-	-	-
	прочих родственников	19	10	6	2
	соседей	32	18	8	10
	коллег, друзей	41	5	86	6
	Итого:	100	35	100	18
Возврат долга	родителям жены	4	2	-	-
	родителям мужа	-	-	-	-
	детям и внукам	-	-	-	-
	прочим родственникам	8	6	6	1
	соседям	29	14	7	7
	коллегам, друзьям	59	6	87	18
	Итого:	100	28	100	26
Получение денег в долг от	от родителей жены	39	40	8	41
	от родителей мужа	32	24	10	33
	от детей и внуков	5	6	77	14
	от прочих родственников	20	28	4	20
	от соседей	1	1	-	-
	от коллег, друзей	3	2	1	7
	Итого:	100	101	100	115
Передача денег в дар	родителям жены	15	7	8	12
	родителям мужа	1	1	6	4
	детям и внукам	62	44	72	15
	прочим родственникам	16	15	10	6
	соседям	4	5	1	2
	коллегам, друзьям	2	5	3	4
	Итого:	100	77	100	43

одариваемого. Не случайно, чем более признается самостоятельность одариваемого (например, с взрослением детей), тем чаще дары переходят из вещной в денежную форму.

По мере же ослабления родственных отношений долговые обязательства получают простор для развития и, не будучи скованными обетами родственной помощи, достигают пика в отношениях с неродственниками. Так, 73 % долговых сумм на селе и 94 % в городе были взяты не у родственников. Здесь уже и малые суммы можно не дарить, а кредитовать³⁷. Родственники даже «второго

³⁷ Этот вывод корреспондирует с данными, приводимыми О. Лыловой: у родителей занимают деньги в 4 раза реже, чем у соседей, зато у родителей и других родственников берут крупные суммы, а у соседней занимают на каждодневные нужды [Лылова 2002, с. 85].

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

эшелона», объединенные в категорию «прочие родственники», значительно уступают соседям и друзьям в плотности и интенсивности кредитных историй. При этом частое, но мелкое кредитование осуществляется между соседями, а между друзьями и коллегами кредитные отношения возникают реже, но они весомее. Конечно, речь идет о повседневности, не нагруженной событиями типа свадеб, похорон и пр. В этих случаях деньги вполне могут занимать и у родственников. Но это имеет под собой оправдание в виде привлечения средств на некую общую для родственников цель. Автономные же события семьи обслуживаются внеродственным кредитованием.

Безвозмездные денежные ссуды, наоборот, основаны на родственных связях³⁸. Именно родственники обеспечили 96 % денежной помощи селянам и 99 % горожанам. Соседи и коллеги участвуют в таких отношениях с минимальной плотностью и интенсивностью, и не потому, что у них каждая копейка на счету. Они могут помочь трудом, поделиться продуктами, подарить вещи и пр. Но дарить деньги чужим людям не принято. Это подкрепляется и обыденными наблюдениями. Поделившийся урожаем сосед совершенно нормален, а сосед, предлагающий поделиться вырученными от продажи урожая деньгами, по меньшей мере, странен³⁹.

Гипотеза «силы родственных связей». Предполагается, что чем ближе степень родства, тем чаще осуществляется обмен дарами и тем весомее их величина. Соответственно наиболее плотный и интенсивный обмен происходит с родительской семьей или семьей детей; обмен с остальными родственниками значительно менее активен. Минимальная плотность и интенсивность — в обменах с людьми, не являющимися родственниками. Эта же закономерность существует и в обмене трудом.

При всех разговорах о разрушении родственных уз под воздействием эмансипации, урбанизации, глобализации и прочих казусах современности что-то мешает поверить в них. Оставим в покое глобализацию и ответим на простой вопрос: кому несут продукты, делятся деньгами, помогают трудом? С кем вступают в кооперацию по выживанию и развитию домашней экономики? С единомышленниками по мировоззренческим вопросам или с родственниками, не имеющим зачастую никакого интеллектуального сходства, кроме хитросплетения родственных судеб?

Наши данные говорят исключительно в пользу родственников (табл. 17). На них приходится свыше 90 % продуктовых, денежных и трудовых трансфертов⁴⁰,

³⁸ Из интервью: «С родителям мы долги и не берем. В семье и не надо, чтоб возвращали. А друзья? Вот так, чтобы отдала деньги и не ждала? Безвозмездно? Нет. Я считаю, что если здоровый нормальный человек, то почему я должна благотворительность проявлять?»

³⁹ Из интервью: «У меня подруга очень скромно живет. Она у меня и десятки не возьмет. Я ей стараюсь иногда что-то купить в день рождения, то, что и себе не позволю. Я ей туфли стараюсь подарить или что-то такое. Или, например, палку колбасы вместо цветов».

⁴⁰ Большая семья рассматривается многими респондентами как своего рода дополнительный ресурс выживания, в том числе и эмоциональной стабильности. «У меня много родственников. Один брат погиб, а так нас у мамы было девять. Живем дружно, хорошо, друг друга поддерживаем, помогаем друг другу. У мужа только мама и сестра. Больше никого нету. Поэтому он так сильно хотел детей, чтоб побольше, чтоб была действительно семья, а не так: один, два и все».

Таблица 17 **Стоимость отданных и полученных продуктов, денежных даров, а также продолжительности трудовой помощи во взаимодействии с данными контрагентами**

Субъект сетевых взаимодействий	Село				Город			
	Продуктовые и денежные дары		Помощь трудом		Продуктовые и денежные дары		Помощь трудом	
	руб.	%	часы	%	руб.	%	часы	%
Родители жены или мужа	38 050	35,3	2417	49,9	62 120	18,5	7 474	88,2
Дети, их семьи, внуки	31 014	28,7	1 895	39,1	178 237	53,0	221	2,6
Сестра, брат жены или мужа	19 261	17,9	255	5,3	14 370	4,3	39	0,5
Прочие родственники	8 255	7,7	44	0,9	46 251	13,8	114	1,3
Соседи	3 340	3,1	151	3,1	3 728	1,1	53	0,6
Знакомые, коллеги, друзья	7 960	7,3	85	1,7	31379	9,3	573	6,8
Всего	107 880	100	4 847	100	336 085	100	8 474	100

и только около 10 % достается соседям и дружескому кругу. При этом, как и предполагалось в рамках гипотезы, самый интенсивный обмен с родственниками «первого эшелона» — с родителями и детьми. Сестры и братья активно помогают друг другу, но в значительно меньших масштабах, чем родители детям. А уж тети, племянники, двоюродные братья и другие члены семьи, объединенные в категорию «прочие родственники», помогают еще меньше, уступая в трудовых трансфертах друзьям и знакомым⁴¹. Продуктовые и денежные трансферты с соседями менее плотные и интенсивные, чем с друзьями и коллегами. Правда, на селе по-прежнему распространена трудовая помощь соседям, в городе же коррозия института соседства более заметна⁴². Фактически, участие соседей-горожан в жизни сети почти символическое. Но и на селе соседи-селяне, хотя и превосходят друзей и приятелей по интенсивности трудовой помощи, сильно отстают от родственников.

Таким образом, при всех разговорах о конфликте отцов и детей именно между ними курсируют продуктовые передачи, денежные дары и трудовая помощь. Те же, с кем разговоры по душам греют сознанием интеллектуального родства, не торопятся делиться насущным. Друзья и коллеги оказывают скорее информационную и эмоциональную поддержку, чем материальную помощь⁴³.

⁴¹ Заметим, что сетевая поддержка в России более «прородственная» по сравнению, например, с Канадой, где друзья и родственники помогают меньше, чем родители (или взрослые дети), но «обеспечивают поддержку в той же степени, что братья (сестры) и гораздо больше дальних родственников» [Уэлман 2000, с. 85].

⁴² В интервью отражены многочисленные сюжеты ссор между соседями, от комичных до трагичных. Одна семья боролась с соседкой за право поставить холодильник рядом с разделявшей их стеной, что, по мнению соседки, влияло на ее здоровье. Другая соседка любила дворовых собак с такой силой, что наш респондент не дождался вызванного на дом врача, так как его не пустили собаки. Ссоры с родственниками и друзьями упоминаются значительно реже и проходят в более спокойных тонах.

⁴³ Из интервью: «Мы же не ходим к психологам, мы бутылку водки ставим, садимся друг напротив друга, выпиваем по рюмке и начинаем... Я в этот момент играю роль психотерапевта или, наоборот, моя подруга, и мы нервную систему умудряемся сохранить в этой ужасной жизни». Потребность в эмоциональных трансфертах один из респондентов определил так: «нужда видеться».

Соседи едва ли претендуют на активную роль в сетевых обменах, что более заметно в городе, но проявляется и на селе. Так что грибоедовское «ну как не порадовать родному человечку» теряет в сетевом измерении саркастический оттенок и превращается в нормальную прозу человеческих отношений.

Выводы

1. Все без исключения семьи погружены в сетевой обмен ресурсами разного рода. Количественный анализ учитывает лишь продуктовые, трудовые и денежные трансферты (с разбивкой последних на безвозмездные и долговые). За кадром остаются эмоциональная поддержка и информационное сопровождение домохозяйств ввиду сложности их измерения. Это существенно снижает объяснительные возможности количественного анализа, так как не учитываемые им трансферты способны существенно менять представления домохозяйств о степени эквивалентности обменных отношений. Однако, пусть и не исчерпывающе, калькулируемые показатели сетевой активности улавливают важные закономерности жизни сети.
2. Наиболее полной формой фиксации сетевых трансфертов являются ежедневные записи прихода и расхода ресурсов по каналам сети с указанием направления трансферта, его ресурсной природы, объема в натуральных и стоимостных показателях. Желательное время сбора эмпирических данных — год, что позволяет фиксировать сезонные колебания сетевой активности. Результаты количественного анализа получают дополнительное обоснование или, наоборот, повод для скептицизма при сравнении с качественными данными, полученными в режиме углубленных интервью. Подобная триангуляция повышает обоснованность выводов.
3. И по сельским, и по городским сетям проходят столь значительные объемы ресурсов, что трудно назвать сети дополнительным, декоративным элементом социальной жизни. Скорее сети являются одним из основных механизмов поддержания домохозяйств «на плаву», выполняя мощную перераспределительную функцию среди семей разного достатка, разного возраста и стиля жизни.
4. Сеть как материализация институтов родства, приятельства, соседства и пр., позволяет выявить культурные коды их функционирования. Взаимодействие в сети строится не только и не столько в соответствии с материальным статусом контрагента, сколько с вмененным ему правилом пребывания в сети. Так, родители заботятся о молодых семьях, даже будучи относительно бедными на их фоне. Родители жены находятся в более привилегированном положении, чем родители мужа также вне сравнения их материального положения. Бабушки и дедушки получают подтверждение своей социальной значимости, заботясь о внуках, не получая эквивалентного вознаграждения.
5. При всех разговорах об ослаблении родственных связей современного человека, его погруженности в круг приятелей, коллег и соседей отношения с родственниками продолжают доминировать в пространстве сетей. Плотность и интенсивность обмена с родственниками выше, чем с неродственниками.

Единственное исключение — долговые денежные обязательства, которые более распространены в неродственной среде в связи с отсутствием моральных обязательств передачи денег в дар. Долги среди родственников предполагают более крупные суммы, оправдывая своей величиной отклонение от традиции безвозмездной родственной помощи.

6. Специфика сетевого взаимодействия прослеживается в разрезе города и деревни. Это проявляется в амплитуде сезонных колебаний, в соотношении продуктовых, трудовых и денежных трансфертов, в большей коррозии института соседства в городе. Вне этих вопросов городские и сельские сети ведут себя схожим образом, подтверждая наличие единой логики сетевой взаимопомощи.
7. Ни нищета, ни богатство не приводят к выходу из сетевого мира. Решающую роль в соотношении принимаемых и отдаваемых благ играет материальный статус домохозяйства. Вследствие этого богатые семьи, обреченные на донорство, испытывают повышенную нагрузку и порожденную ею усталость от сетевого членства. Это может вызвать практику сознательного дистанцирования от сети, избирательного участия в ней, сокращения круга контрагентов.
8. Участники сети далеки от стремления точно соблюдать количество принимаемых и отдаваемых даров, а также их стоимостное соответствие. Количественные методы фиксируют явную неэквивалентность сетевого обмена. Но сети не распадаются, они устойчивы и, как правило, бесконфликтны, что еще раз доказывает наличие вневещной или, как минимум, не только стоимостной логики их функционирования. Участники сети, во-первых, «гасят» стоимостные несоответствия эмоциональной поддержкой и информационным сопровождением, во-вторых, довольно субъективно оценивают полезность получаемой и оказываемой помощи, погружая эти оценки в сложную структуру межличностных отношений, в-третьих, интерпретируют поведение участников сети не с точки зрения эквивалентности обмена, а с позиции их соответствия культурным кодам микросреды.
9. Сетевые взаимодействия не являются инструментом максимизации прибыли их участников. Вероятнее всего это механизм выравнивания жизненных возможностей участников сети, система разноплановой и оперативной взаимопомощи. Даже при объединении в сеть совокупная сопротивляемость бедных домохозяйств внешней среде повышается в результате более гибкого использования совокупных ресурсов и возможности их поочередного использования на благо входящих в сеть домохозяйств.

Литература

- Ашкеров А.Ю.* Антропология и экономика обмена // Социологический журнал. 2001. № 3. Бедность в России: Государственная политика и реакция населения / Всемирный банк реконструкции и развития / Под ред. Д. Кругмана. Вашингтон, 1998.
- Варшавская Е.* Социальный феномен сибирской «fazенды» // ЭКО. 1999. № 12.
- Виноградский В.* «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № 3/4.

Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств...

- Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. Е.М. Ковалев. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Градосельская Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2.
- Ильин В. Подарок как социальный феномен // Рубеж. 2001. № 16—17.
- Калабихина И.Е. Факторы домохозяйства и занятость женщин // Экономика домашних хозяйств / Отв. ред. В.М. Жеребин. М.: Институт социально-экономических проблем РАН, 1997. С. 125-139.
- Ковалев Е. Взаимосвязи типа «патрон — клиент» в российской экономике // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 125—137.
- Лылова О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2.
- Морено Я.Л. Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проект, 2001.
- Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. С. 83—222.
- Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1990. С. 31-62.
- Никулин А. Счастье следует искать на путях обыкновенных // Знание — сила. 1998. № 3.
- Пилиховский А., Столбов В. Неформальная кооперация в сельских общинах // Социологические исследования. 2000. № 1.
- Полани К. О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999б. С. 505-513.
- Полани К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т.Шанин. М.: Логос, 1999а. С. 498—504.
- Скотт Дж. Моральная экономика деревни // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т.Шанин. М.: Логос, 1999. С. 541-544.
- Тевено Л. Организационная комплексность: конвенции координации и структура экономических образований // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сос. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 19-46.
- Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6.
- Фадеева О. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999а. С. 183—218.
- Фадеева О. Хозяйственные стратегии сельских семей // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999б. С. 426-446.
- Чураков А.Н. Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. № 1.
- Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905—1930 гг. // Социологические исследования. 2002б. № 1.
- Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002б. С. 261-267.
- Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 227-239.
- Штейнберг И.Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи — «сетевые ресурсы» // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 183-189.
- Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Составитель и научный редактор В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2001.

- Эльстер Ю.* Социальные нормы и экономическая теория // Thesis. 1993. Т.1. Вып.3.
- Якубович В.* Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Составитель и научный редактор В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 210-251.
- Burt R.S.* Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
- Carrier J.* The Rituals of Christmas Giving // Unwrapping Christmas / Ed by D. Miller Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 55—74.
- Emerson R.* Gifts // Collected Works. Vol. 3. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
- Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. P. 1360-1380.
- Gregory C.A.* Gifts to Men and Gifts to God: Gift Exchange and Capital Accumulation in Contemporary Papua // Man. 1980. N 15. P. 626—652.
- Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea. L: Routledge and Kegan Paul, 1922.
- Pahl J.* The Allocation of Money and the Structuring of Inequality Within Marriage // Sociological Review. 1983. N31.
- Parry J.* The Gift, the Indian Gift and the "Indian Gift" // Man. 1986. N 21. P. 453-473.
- Radaev V.* Urban Households in the Informal Economy // Explaining Post-Soviet Patchworks / Ed. by K. Segbers. Vol. 2. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 333-361.
- Sic E.* Reciprocal Exchange of Labour in Hungary // On Work: Historical, Comparative And Theoretical Approaches / Ed. by R.E. Pahl. Oxford: Basil Blackwell, 1989. P. 527—547.
- Turner J.H.* The Structure of Sociological Theory. 5-th edition. Belmont, 1991.